

Д. Л. Ленца
Е. В. Соловьева

ФОНЕТИКА В АСПЕКТЕ ПРАГМАТИКИ

Ответственный редактор
кандидат педагогических наук
Р. И. Капацэну

1122381

Рецензировали и рекомендовали к изданию
доктор филологических наук В.И. БАНАРУ,
кандидаты филологических наук В.М. БРЕГА, К.Г. ЧИНЧЕЙ

В монографии рассматривается проблема функционирования сегментных и супraseгментных средств языка в аспекте прагмалингвистики. Исследование основывается на комплексном теоретическом и экспериментально-фонетическом анализе как отдельного высказывания, так и текста в целом. Предметом изучения является взаимодействие сегментных и супraseгментных средств языка в выражении прагматических значений. Монография написана на материале французского языка.

Книга рассчитана на языковедов - научных работников, преподавателей и студентов-филологов.

Утверждено к изданию
Советом Кишиневского государственного
педагогического института имени И.Крянгэ

И 4602020104-99 I92-89
M755(I0)-89

ISBN 5-376-00020-6

© Издательство
"Штиинца", 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное языкознание особое внимание уделяет изучению функционирования языка в речи. Сегодня лингвистику все больше и больше интересует процесс общения с помощью языка. Стремление отойти от имманентного подхода к изучению языка нашло отражение в развитии и становлении лингвистических дисциплин и направлений, находящихся на стыке различных гуманитарных дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, лингвистики текста, прагмалингвистики.

Развитие прагматики поставило перед исследователями проблему изучения лингвистических средств выражения прагматической функции языка. Придерживаясь монофункционального подхода к языку, мы разделяем точку зрения тех авторов, которые признают существование только одной его коммуникативной функции, имеющей различные проявления, в том числе в виде прагматической функции, которая является новой в системе лингвистических функций интонации. Ее комплексный анализ на материале французского языка проводится впервые.

"Прагматика" понимается нами в широком значении, как отношение лингвистической системы к предметам внешнего мира, к участникам и условиям коммуникации [100]. В таком значении в содержание понятия входят речевые акты, рассматриваемые как процесс высказывания с учетом всех факторов, обеспечивающих этот процесс.

Анализ фонетических явлений сквозь призму проблем прагматики отвечает, на наш взгляд, тем требованиям, которые наука предъявляет к современным лингвистическим исследованиям. Развитие прагматики связано с потребностью изучения речевой деятельности как в теоретическом, так и практическом плане.

Комплексность стала одной из характерных черт лингвистических исследований настоящего времени. Уделяя внимание анализу разнообразных факторов, управляющих речевым процессом, ученые неизбежно обращаются к данным различных гуманитарных дисциплин. Главное требование марксистско-ленинской методологии — изучение любого явления во взаимодействии с другими, в тесной связи и целостности со всем окружающим — находит выражение не только в обращении к результатам других наук, но и в учете взаимосвязи различных аспектов ис-

следующего явления, взаимодействия лингвистических средств различных уровней, принимающих участие в его выражении.

Прагматический подход к исследованию фонетических явлений сделал неизбежным обращение в работе к данным различных гуманитарных дисциплин: философии, эстетики, литературоведения, психологии. Со всей очевидностью неизбежность комплексного подхода обнаруживается в изучении текста как системного явления, все элементы которого находятся в тесном взаимодействии. Комплексный подход нашел также отражение в анализе взаимодействия, например, синтаксиса и просодии, лексики и просодии, супraseгментных и сегментных единиц.

Анализ прагматической функции фонетических средств – супraseгментных и сегментных – вызвал необходимость рассмотрения ряда проблем прагматики. Наиболее важное значение в прагматике имеет понятие иллокутивного акта, которое рассматривается нами как синоним коммуникативной интенции. Речевое действие представляет собой совокупность речевых актов, из которых доминирующим является иллокутивный акт. Иллокутивная структура высказывания и текста – новая для лингвистики проблема. На материале французского языка такое исследование проводится впервые. Прагматика определила новизну подхода к трактовке механизма текстообразования, который понимается нами как процесс развертывания иллокутивного макроакта в последовательности иллокутивных микроактов.

В работе затрагивается проблема соотношения семантики и прагматики, иллокутивного значения. Выявление и систематизация различных иллокутивных значений – одна из сложных проблем прагматики. Сложность состоит в том, что даже отдельное высказывание может иметь не одно, а несколько иллокутивных значений, не говоря уже о тексте, который обладает сложной иерархической системой иллокутивных значений. Следует также отметить отсутствие хорошо разработанной методики прагматического анализа.

Исследование прагматической функции языка осуществлялось на основе разработанной нами методики: сочетания теоретического и экспериментально-фонетического анализов, перцептивного и электро-акустического. Результаты теоретического изучения легли в основу гипотезы экспериментально-фонетического исследования. Анализ взаимодействия супraseгментных и сегментных средств предварялся анализом семантико-прагматических особенностей высказывания и текста. При этом принималось во внимание соотношение пропозиционального содержания текстовых единиц и интонации.

В качестве иллокутивных значений в работе впервые рассматриваются вопросительность, эмоции, игра, сатира, юмор. Прагматический

подход к трактовке эмоций определил тот факт, что эмоциональная экспрессивность может быть не только произвольной, но и преднамеренной, т.е. быть намерением говорящего в определенной речевой ситуации.

Ирония, представляющая собой прагматическое по своей природе явление, служит богатым источником различных иллокутивных значений. Поскольку ирония, несмотря на тысячелетний опыт ее изучения, не имеет однозначной трактовки ни в философско-эстетической, ни в лингвистической литературе, нами предложено новое определение иронии как комического, созданного воображением творца иронического произведения. Впервые были затронуты вопросы природы и соотношения явлений юмора, сатиры, остроумия и иронии в прагматическом аспекте.

Исследовано не только взаимодействие различных лингвистических средств в выражении иллокутивных значений, но и взаимодействие самих иллокутивных значений, например вопросительности и эмоциональности. Вызвал также интерес вопрос, какое иллокутивное значение выступает главным в процессе порождения и восприятия высказывания. От иллокутивной доминанты зависит выбор лингвистических средств.

Интонация является одним из лингвистических средств, с помощью которых осуществляется речевая коммуникация. Прагматическая функция в различных типах текстов реализуется по-разному. Нами предпринята попытка раскрыть своеобразие и показать значение интонации по отношению к другим лингвистическим средствам в процессе развертывания иллокутивного макроакта в последовательность иллокутивных микроактов.

Работа состоит из двух глав. В первой рассматриваются фонетические средства выражения иллокутивных значений вопросительности и эмоциональности на базе теоретического и экспериментально-фонетического анализа высказывания. Вторая глава посвящена более сложному прагматическому исследованию, основанному на экспериментально-фонетическом анализе иронического текста.

СУПРАСЕКМЕНТНАЯ И СЕКМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА
ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ I. Основные положения прагмалингвистики

Прагматика, активно развивающаяся в настоящее время, определяется как раздел семиологии, изучающий язык в актах речи [163, 174, 222]. Источником возникновения прагмалингвистики, с одной стороны, можно считать теорию *énonciation*, развиваемую зарубежными исследователями, которые поставили перед лингвистикой задачу изучения процесса высказывания как индивидуального акта использования языка [234]. Теория *énonciation* взяла на вооружение известную еще с античных времен идею о том, что речь представляет собой действие, как любое другое. В одном высказывании может быть заключено одновременно несколько действий.

С другой стороны, прагмалингвистика обязана своим появлением непосредственно теории актов речи. Начало изучению актов речи было положено английским философом Дж. Остином. Предпосылкой их изучения считается критика соскюровского разграничения языка и речи. В предисловии к книге Дж. Серля "Акты речи" О. Дюкро пишет, что работы представителей английской аналитической философии (исследование Дж. Серля во многих отношениях является их продолжением) способны интересовать лингвистов только потому, что они более решительно, чем Ш. Бруно, порывают с соскюровской концепцией языка, и, в частности, с уподоблением лингвистической деятельности индивидуальному творчеству [173].

О. Дюкро считает, что открытие Дж. Остином перформативов свидетельствует о сближении языка и речи [173]. Кроме того, по мнению О. Дюкро, открытие Дж. Остина не имело бы никакого значения, если бы перформативы являлись исключением в языке. Впоследствии, как свидетельствует О. Дюкро, Дж. Остин пришел к выводу, что любое высказывание представляет собой акт речи, который бывает трех типов: локутивный, иллюкутивный и перлокутивный. Локутивный акт, по свидетельству О. Дюкро, представляет собой фонетическое действие (артикуляция звуков по правилам фонетики), грамматическое действие (комбинация морфем по правилам синтаксиса) и, наконец, семантическую операцию (выражение некоторого значения) [173].

В интерпретации Ф.Реканати локутивный акт — это только семантическая операция [221]. Он проводит также параллель между локутивным актом и пропозицией³¹. Иллокутивный акт, согласно О.Дюкро, характеризуется тем, что выражает отношения между говорящим и собеседником [173]. Говорящий побуждает собеседника дать ответ. С точки зрения Ф.Реканати, именно локутивный аспект высказывания характеризует его как акт речи: обещание, приказание, вопрос, утверждение и т.п. [221].

О.И. Москальская рассматривает иллокутивный акт как речевой поступок, входящий в состав внеязыкового контекста и имеющий целью определенное воздействие на адресата речи (например, проинформировать, убедить, предостеречь, побудить к ответной речевой или неречевой (невербальной) деятельности и т.п.) [95].

Перлокутивный акт, как его трактует О.Дюкро на основе анализа работ Дж.Остина и Дж.Серля, относится к ситуации речи [173]. Перлокутивные акты направляются законами, область применения которых выходит за рамки речи. К ним относятся психологические механизмы. Перлокутивный акт имеет место, например, в выражении восхищения, презрения и т.д. [173]. Следует отметить важную особенность перлокутивного акта, подчеркиваемую Ф.Реканати. В отличие от иллокутивного он является результатом, следствием сообщения и не входит в намерение говорящего [222].

Как известно, теория актов речи Дж.Остина подвергается многочисленной критике и у нас в стране, и за рубежом. Тем не менее, отмечают авторы монографии "Язык и идеология", несмотря на весьма субъективный, а нередко и идеалистический подход к языку как объекту научного познания в теории Дж.Остина, этой теории нельзя отказать в ряде положительных моментов [157].

Понятию иллокутивного акта соответствует большое количество синонимичных, с нашей точки зрения, терминов: "коммуникативная установка", "коммуникативная задача", "коммуникативная интенция" и т.д. [95]. Ф.Реканати трактует понятие намерения как иллокутивное намерение, т.е. намерение совершить иллокутивный акт [221]. Согласно французской исследовательнице К.Кербрат-Орекьони, понятие намерения, или интенции, является синонимом понятия иллокутивной силы, встречаемого у таких авторов как Дж.Серль, Ж.Ле Галине и С.Лекуэнтр [196]. По ее мнению, от понятия намерения или интенции не-

³¹ Понятие пропозиции является широко употребительным в семантических исследованиях предложения [4]. Анализируя этапы развития этого понятия, Н.Д.Арутюнова отмечает, что в конечном счете «термин пропозиция был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с любым "модусом коммуникативной цели"» т.е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта [4, с.34]. И.Г.Торсуева толкует пропозициональный смысл как "огрубленное представление о содержании предложения" [132, с.5].

которые исследователи стараются избежать, но его тем не менее невозможно избежать.

Понятие намерения, или интенции, широко используется в советской психолингвистике. А.Е.Войскуновский понимает под интенцией внутреннюю подготовку высказывания, целевой момент коммуникации [29]. На наш взгляд, понятие намерения (иллокутивный акт) может быть успешно использовано в ходе семантического анализа как изолированного высказывания, так и текста, в частности при выявлении основных факторов, формирующих смысл текста. Советская исследовательница Т.М.Дридзе указывает, что смысловое восприятие текста является проблемой не столько общего его понимания, сколько ориентации реципиента в том, что является целью или основным мотивом получаемого сообщения [47, с.34]. По мнению К.Кербрат-Орекьони, лингвистическая сущность понятия иллокутивного намерения проявляется в ходе его отождествления получателем сообщения [196]. Интерпретировать текст — это значит пытаться восстановить с помощью догадки семантико-прагматическое намерение отправителя, полагает автор. К.Кербрат-Орекьони приводит точку зрения С.Шмидта, согласно которой глубинная структура любого текста является не чем иным, как "абстрактной тематической схемой намерения коммуникации", т.е. намерения произвести какой-либо эффект.

Вероятно, недостаток теории актов речи состоит не в самом понятии акта, а в том, что он в работах Дж.Остина и его последователей рассматривается довольно узко, в отрыве от широкого контекста, процессов коммуникации. Авторы упоминаемой монографии "Язык и идеология" отмечают, что советские лингвисты используют понятие акта, но им свойственно его комплексное рассмотрение.

С точки зрения К.Кербрат-Орекьони, понятие иллокутивного акта составляет содержание прагматики в узком смысле, а большинство исследователей трактует прагматику в широком смысле [196]. "Широкая" трактовка прагматики пересекается, по мнению автора, с теорией *énonciation*. Как следует из изложения К.Кербрат-Орекьони, проблематика *énonciation* включается в проблематику прагматики. Таким образом, в содержание понятия "прагматика", толкуемого в широком значении, входит не только проблематика иллокутивного акта, но и проблематика процесса высказывания, в частности такие компоненты, как отправитель и получатель сообщения, ситуация коммуникации.

Одним из спорных является вопрос о соотношении прагматики и семантики. К.Кербрат-Орекьони описывает четыре возможных подхода к данной проблеме [196]:

оппозиция семантический/прагматический не является пертинантной; одно из двух понятий либо отрицается, в частности второе, либо оба понятия рассматриваются нерасчлененно;

прагматическая составляющая смысла высказывания вписывается в семантическую составляющую, т.е. прагматика является составной частью семантики;

семантические значения вписываются в прагматическую составляющую смысла высказывания, т.е. прагматика в данном случае является более широким понятием, чем семантика;

ни прагматические, ни семантические значения не выводимы друг из друга, т.е. являются автономными.

Сам автор считает, что между прагматикой и семантикой существуют отношения взаимозависимости [196].

К.Кербрат-Орекьони отмечает, что, согласно наиболее распространенному мнению, глобальное содержание любого высказывания включает две подсистемы значений: пропозициональное или информационное содержание, которое будет общим, например, в таких двух предложениях: "Pierre vient.", "Pierre vient?" и иллокутивное содержание. Высказывание может быть маркированным иллокутивно не один раз, а дважды и более. Несколько иллокутивных значений высказывания представляют собой иерархическую систему отношений. Иллокутивное значение высказывания может быть выражено эксплицитно и имплицитно. Следует также отметить, что, по ее мнению, существует иллокутивная полисемия и синонимия.

Представляется, что наиболее удачным является подход, предложенный К.Кербрат-Орекьони. Идея исследовательницы о иерархической системе отношений нескольких иллокутивных значений высказываний может успешно использоваться в прагматическом анализе как высказывания, так и текста в целом. Так, сама К.Кербрат-Орекьони указывает, что отдельные авторы (Д.Парис, К.Костельфранчи) рассматривают текст как иерархию иллокутивных целей, учитывая в то же самое время существование глобального прагматического значения [196].

Для раскрытия общего прагматического или иллокутивного значения текста, а также значений частей текста полезными являются понятия макро- и микроактов. Заимствуя у Т.Ван Дейка понятия макродействия и микродействия, Ф.Неф предлагает понятия иллокутивных макро- и микроактов [215]. По его определению, макроакт является производным от последовательности микроактов в структуре текста. Ф.Неф предлагает также ввести категорию непрямых глобальных производных макроактов, которые одновременно обладают характеристиками макроактов и непрямых актов.

К идее иерархической системы иллокутивных значений текста нас также подводят высказывания советских психолингвистов, в частности А.Е.Войскуновского, который считает, что речевым процессом руководит несколько целей: "В процессе целеобразования имеются промежу-

точные цели, направляющие сложную деятельность и приводящие к достижению конечной цели" [29, с.110]. А.А.Леонтьев пишет о том, что обычно речевое действие направляет система мотивов, в которой выделяется доминирующая мотивация, подчиняющая себе побочные мотивы. Эта доминирующая мотивация является одним из факторов формирования речевой интенции [79].

Представляется возможным соотнести понятие иллокутивного макроакта, определяющего общую и глобальную прагматическую направленность текста, вполне допуская спорность такого соотнесения, с используемым в советской психолингвистике понятием замысла текста, которое, например, занимает центральное место в концепции порождения текста Н.И.Жинкина [49], а также с используемым в советском литературоведении понятием доминанты или установки художественного произведения [137]*.

Хотелось бы подчеркнуть, что понятия макроакта, замысла и доминанты произведения, являясь, с нашей точки зрения, одноплановыми, не являются абсолютно тождественными.

Итак, прагматика представляет собой лингвистическую дисциплину, изучающую речевую коммуникацию сквозь призму речевых актов. Иллокутивный акт — основное понятие прагмалингвистики. Значение иллокутивного акта в отличие от локутивного состоит в том, что говорящий совершает определенное намеренное действие по отношению к существующему или воображаемому собеседнику. Иллокутивное значение высказывания/текста наряду с локутивным значением или пропозицией составляет семантику высказывания/текста. Следует отметить, что перилокутивный акт, совершаемый говорящим, не входит в его намерение, а является следствием ситуации общения.

Иллокутивное значение высказывания/текста имеет сложную иерархическую структуру. В этой связи встает проблема иллокутивной доминанты. Какое-то из иллокутивных значений высказывания/текста является главным, доминирующим, подчиняющим себе остальные иллокутивные значения.

Одной из задач прагмалингвистики можно считать выявление и систематизацию иллокутивных значений, изучение механизма их реализации с помощью различных лингвистических средств в структуре высказывания/текста. Изучение иллокутивных структур текста может иметь типологическое значение.

* "Совершенно ясно, что каждая литературная система образуется не мирным взаимодействием всех факторов, но главенством, выдвигутостью одного (или группы) функционально подчиняющего остальные" [134, с.227].

Развитие прагматики имеет большое педагогическое значение в связи с постановкой проблемы обучения не языку, а речевой деятельности. В частности, знание законов прагматики позволит избежать неуместности высказывания в иноязычной ситуации.

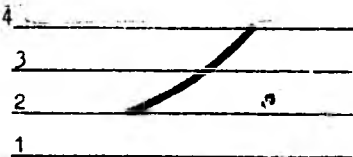
§ 2. Вопросительность в аспекте прагматики

Вопросительные предложения были предметом многочисленных исследований, проведенных на материале различных языков. Основное внимание уделялось коммуникативной дифференциации вопросительных предложений, грамматическим и лексико-грамматическим особенностям структуры вопросительных предложений, взаимодействию формально-грамматических и интонационных показателей в выражении общего и частного вопросов.

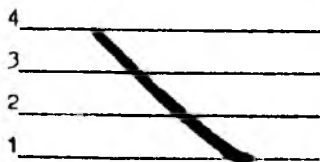
Некоторые лингвисты считают, что комплексный подход к классификации вопросительных предложений невозможен [45]. Однако исследователи, имеющие по этому вопросу другую точку зрения, берут за основу классификаций помимо основного - формально-структурного - и другие признаки: семантический, коммуникативный (по коммуникативной природе), функционально-семантический, а также смысловые отношения, раскрываемые в вопросно-ответном диалогическом единстве (ответная реакция) [2, 7, 13, 21, 52, 88, 127, 150]. Наиболее детальной представляется комплексная классификация Г.Я.Панкраца, который при описании вопросительных предложений немецкого языка исходит из семи признаков: коммуникативная цель; лексико-грамматическая структура; связь с предшествующим высказыванием собеседника; степень предположения спрашивающим ответа; направление развития темы; количество подстановок; интонация [101].

П.Делаттр [172] противопоставляет интонацию общего и частного вопросов (*question* и *interrogation*) (рис.1). Такой формальный признак, как синтаксическая инверсия, им не учитывается.

Кн. Тогеби считает интонацию основным признаком при определении места вопросительного предложения в общей системе французского

Question: C'est bien toi?

Interrogation: Qui les vend?

Р и с. 1. Противопоставление интонаций общего и частного вопросов

языка [235]. Формальные же признаки (инверсия, вопросительное слово и вопросительные частицы) рассматриваются им как условные.

Исходя из внутренних структурно-семантических отношений в пределах синтаксической конструкции Л.Теньер различает вопросительные предложения, содержащие "ядерный" (или категориальный) вопрос (*Alfred chante une chanson*): 1) *qui chante une chanson?* 2) *Que fait Alfred?* 3) *Que chante Alfred?* и "коннекционный" (или функциональный) вопрос (*Alfred chante une chanson*): *Alfred chante-t-il une chanson?* [233, р.192-216]. С формально-семантической точки зрения классификация Теньера отражает наличие/отсутствие в предложении вопросительного слова (формальный аспект) и противопоставление общего вопроса частному (семантический аспект)*.

В процессе функционирования вопросительное предложение взаимодействует с повествовательным и восклицательным предложениями и порой не обнаруживает ни структурно-грамматических, ни семантических четко выраженных от них отличий. В повествовательном предложении может заключаться вопрос [48, с.24]. Вопросительное предложение может быть одновременно и восклицательным [148, с.1-16]. При интонационной классификации предложений английского языка Г.П.Торсуев выделяет вопросительно-восклицательное предложение в отдельный подтип [130].

Анализируя вопросительные предложения с прямым порядком слов, Е.М.Галкина-Федорук отмечает, что они являются (в плане коммуникативной направленности. — Д.Л.) особым видом предложения, но по структуре совпадают с повествовательными [35, с.115]. Вопросительное предложение имеет точки соприкосновения с восклицательным предложением как в формальном представлении (например, типичная для французского языка инверсия) [168], так и в семиологическом аспекте (в плане активности воздействия на сознание слушающего) [218].

При определении языкового статуса вопросительных предложений следует учитывать общность синтаксического построения вопросительных, восклицательных, повествовательных и побудительных предложений, их формально-семантическое взаимодействие, а также всевозможные преобразования друг в друга. Для логики вопрос — это "неизвестная задача, которую необходимо разрешить; предложение, выражающее недостаток информации о каком-либо объекте, наделенное особой формой и интонацией и требующее ответа, объяснения" [71, с.92].

Итак, мнения исследователей как логиков, так и лингвистов от

* Ввиду того, что в большинстве работ, посвященных вопросительному предложению, рассматриваются классификации, основанные на формальных и семантических признаках, мы на данном вопросе подробно не останавливаемся.

носителем статуса вопросительного предложения расходятся. Одни [5, 108, 125] придерживаются мнения, что вопросительное предложение неспособно выражать суждение, для которого характерно утверждение или отрицание чего-либо о чем-либо, тогда как в вопросе лишь ожидается подтверждение или отрицание, согласие или отказ. Суждению при- сущо выражать либо истину, либо ложь [71]. Тем не менее эта группа исследователей признает за вопросительными предложениями способ- ность выражать мысль.

другие исследователи [46, 73] усматривают суждение и в по- вествовательных, и в вопросительных, и в восклицательных предложе- ниях. П.В.Копнин определяет суждение как процесс постижения пред- мета мыслью [73]. Основные же виды суждения, по его мнению, это - суждение-сообщение, суждение-вопрос и суждение-побуждение. Считаю, что вопрос по своей логической структуре представляет собой толь- ко особенную форму суждения, но все же суждение, а не какую-либо другую форму мысли, и учитывая тот факт, что формы выражения суж- дения меняются в зависимости от функциональной направленности, Г.В. Колшанский вводит родовое и видовое определения суждения: «Различие суждения и предложения выражается не в том, что не все предложения содержат суждение (вопрос, повеление и др.) - существенным признаком любого предложения является как раз его форма, ко- торая так или иначе передает сообщение, логический строй которого укладывается в общую форму суждения. Важный терминологический воп- рос может быть решен в данном случае сохранением слова "суждение" как родового названия для всех его видов - повествовательного, воп- росительного, побудительного. Введение новых терминов (мысль, ло- гема, речение, высказывание) более неудобный, видимо, путь. Имея в виду это значение термина, можно сказать, что всякое суждение непременно выражается в предложении, и что всякое предложение пе- редает суждение» [69, с.100-101].

В структурном плане вопрос, суждение и побуждение объединяют- ся П.В.Чесноковым в общее категориальное понятие логемы, которое имеет языковым коррелятом предложение. В плане языкового выраже- ния, интонационного оформления и коммуникативно-информативной ха- рактеристики вопрос противопоставляется суждению и побуждению как вид общего категориального понятия, а не как выражающий/не выра- жающий суждение [147, с.94]. Н.И.Жинкин считает, что и в повест- вовательном, и в вопросительном высказывании есть суждение, но их различие состоит в том, что через конструкцию предложения они мо- гут изменить содержание высказываемой мысли [48]. Расхождения ис- следователей относительно лингвистического статуса вопросительно- го предложения связаны, на наш взгляд, с отождествлением понятий вопросительности и вопросительного предложения. Кроме того, не по-

лучили четкого разграничения факты лингвистической системы и факты функционирования лингвистических единиц в речевой коммуникации.

Приведенные мнения о вопросе и вопросительных предложениях свидетельствуют о том, что категория вопросительности может выражаться различными синтаксическими конструкциями, а синтаксическая конструкция вопроса может и не заключать вопросительности. Так, в конструкции "Et alors?" вопросительность не выражена формально никакими лингвистическими средствами. Даже интонационно указанное высказывание может быть отмечено нисходящей мелодией. Представляется, что разрешение столь сложного противоречия возможно в том случае, если данную проблему рассматривать с позиции речевой коммуникации.

Проблема вопросительности и вопросительных предложений до сих пор рассматривалась в основном в рамках лингвистической системы. Примеры реального функционирования вопросительных предложений в речи, в тексте противоречили сложившимся представлениям о вопросе и вопросительности, рассматриваемых с позиций лингвистической системы.

В настоящее время в связи с развитием прагматики пересматриваются многие традиционные вопросы лингвистики. В аспекте прагматики исследуются различные грамматические конструкции. Отмечается возрастание интереса к вопросительным высказываниям. "Исследование различных грамматических конструкций, в том числе вопросительных предложений, с позиций коммуникативного акта открывает новые аспекты интерпретации как грамматической структуры, так и ее взаимодействия со смыслом" [70, с. 73].

В речевой коммуникации происходит не только нейтрализация вопросительных, повествовательных и восклицательных синтаксических конструкций. Вопросительные предложения могут употребляться также в значении просьбы, требования, угрозы и т.п. Как указывает Р. Конрад, данное явление известно в лингвистике очень давно. «В последнее время, однако, это явление, изучение которого важно для описания вопросов и вопросительных предложений как таковых, вызывает большой интерес еще и потому, что примеры подобного рода весьма часто приводятся в работах по теории речевых актов, затрагивающих проблему "иллокутивной силы" высказываний и связанную с ней проблему косвенных речевых актов» [72, с. 349]. Р. Конрад пытается продолжить систематическое описание вопросительных предложений на основе их употребления в качестве косвенных речевых актов.

С точки зрения Г. В. Колшанского, «вопросительные предложения вообще могут рассматриваться как "пробный камень" теории речевой коммуникации, поскольку их всеобъемлющая структура вмещает такое разнообразие речевых смыслов, которые умещаются в диапазоне от так называемого прямого до так называемого обратного смысла» [70,

с.73]. Г.В.Колшанский упоминает исследование В.Г.Нугаева, посвященное прагматической интерпретации вопросительных предложений в немецком языке, в котором отмечается, что употребление той или иной синтаксической конструкции служит для выражения различных иллокутивных сил.

Итак, понятие вопросительности не равноценно понятию вопросительного предложения. Кроме того, известно, что при определенных условиях теряется соответствие между вопросительным предложением и вопросительным высказыванием. Прагматика позволяет произвести переоценку указанных понятий и их функциональной нагрузки. Вопросительность с точки зрения прагматики есть одно из иллокутивных значений высказывания. Данную точку зрения можно подтвердить мнением ряда авторов. Так, Г.В.Колшанский называет утверждение, отрицание, вопрос и т.д. типами познавательной установки. И.Г.Торсуева, анализируя ситуативно-прагматические типы высказываний, относит вопрос, побуждение и утверждение к полярным типам, между которыми располагается целая шкала промежуточных типов высказываний, среди них выделяются восклицание, импликация и другие типы [136, с.118].

Различие между высказыванием и предложением, которые иногда рассматриваются как тождественные понятия, существует на уровне текста. Высказывание является элементом структуры текста. Являясь осуществлением предложения в речи, оно не всегда соотносится с предложением в структуре текста. Высказывание может стать вопросительным при любой синтаксической структуре, тогда как предложение может быть вопросительным только при наличии соответствующей синтаксической конструкции. Например, во французском языке предложение может быть вопросительным только при наличии инверсии или вопросительного слова. Интонация как одно из лингвистических средств выражения вопросительности принадлежит не предложению, а высказыванию. Как справедливо указывает М.Мартен-Балтар, интонация структурирует речевой акт [211].

Таким образом, вопросительность является иллокутивным значением высказывания. Высказывание в структуре текста, который обладает сложной прагматической структурой, может быть иллокутивно маркировано несколько раз в зависимости от общей прагматической направленности текста, или, другими словами, в зависимости от значения иллокутивного макроакта текста. Кроме того, значение иллокутивного макроакта определяет доминирующее иллокутивное значение высказывания. Различные синтаксические конструкции, наличествующие в лингвистической системе того или иного языка выступают помимо других средств маркерами иллокутивной силы.

В структуре текста происходит распределение различных лингвистических средств по иллокутивным функциям. Одно иллокутивное значе-

ние может быть выражено всей совокупностью лингвистических средств, другое же только лишь интонационно, синтаксически или грамматически.

§ 3. Эмоциональность как предмет прагматики

В прагматическую структуру текста составным компонентом входит эмоциональность, которая является предметом многочисленных исследований в общелингвистическом и грамматико-стилистическом аспектах, в плане лексической морфологии и интонации [25, 39, 65, 92 и др.].

Изучение эмоциональности речи важно с точки зрения обучения иностранным языкам, в частности – интонации. Понимание смысла высказывания связано с его эмоциональной окраской, так как смысл высказывания включает, по словам И.Г.Торсуевой, коммуникативный тип, рематематическое членение и эмоциональную окраску [136, с.120]. Задачу изучения эмоционально окрашенной речи ставил уже Л.В.Щерба, который писал: "Мы умеем выражать в речи множество разнообразных аффектов в их тончайших нюансах: гнев, презрение, равнодушие, иронию, ласку, нежность, недоверие, восторг и т.п.; но фонетика всех этих аффектов не изучена. Для французского я могу сослаться лишь на одну страничку книги Grammont'a, где разобраны некоторые интонации слова *oui* и на его статью "*Et vous le vendez?*" [154, с.134].

Сейчас, когда ставится задача изучения языка в динамике, значение анализа эмоций в речи возросло. По словам В.Г.Гака, "язык не может оставаться вне сферы эмоций" [32, с.101]. Лингвистика текста, прагматика ставят задачу пересмотра некоторых традиционных понятий и положений. Понятен в этой связи вновь возросший интерес к проблематике эмоциональности. Эмоции окрашивают различную речь, но есть ее такие типы, где они главенствуют. Художественная литература, драматические произведения, как правило, воздействуют эмоционально. Исполнение художественного текста предполагает выражение его эмоциональной окраски и связано с эмоциями. Итак, "выражение эмоций составляет неотъемлемую часть процесса речевого общения, которое может рассматриваться как деятельность" [136, с.119].

В психологии различается две разновидности эмоций: основные эмоциональные явления, свойственные человеку как биологическому существу, и чувства и волеизъявления, которые являются элементами социального поведения человека. Лингвистику, с нашей точки зрения, может интересовать только лишь преднамеренное выражение эмоций. Это – стилизованные эмоции.

В лингвистике эмоциональность рассматривалась в плане взаимодействия в предложении понятийного и психологического (эмоционального) значений. Психологическое языковое значение есть воспроизведение материальными средствами языка различных эмоциональных оттенков или модально-волевых отношений, которые не являются отражением чего-то внешнего для них, а выступают как отношение какого-то лица к действительности [146]. Отмечалось также, что «неразграничение смыслового и психологического значений приводит к тому, что исследователи приписывают разное значение единицам и средствам языка и речи, обозначающим одни и те же предметы, только потому, что одни из них обладают определенными эмоциональными оттенками, а другие — нет (глаза — очи, мама — мамочка) ... названные слова, а также предложения "На даче было очень хорошо" и "Как хорошо было на даче!" имеют соответственно одинаковые смысловые значения. Каждая вторая единица в этих парах имеет еще и психологическое значение, т.е. различие создается лишь за счет психологического значения [124, с.272].

Эмоциональность рассматривалась также как одно из проявлений модальности. Так, А.Т.Ченуше понимает под модальностью предложения эмоционально-волевое отношение говорящего к содержанию сообщения [145, с.11-12]. Некоторые лингвисты, хотя и разграничивают такие понятия, как модальность и эмоциональность, включают их в понятие "модуса высказывания". М.В.Якошвили отмечает, что модус высказывания — это отношение говорящего ко всему высказыванию в целом (сюда входят как модальные, так и эмоциональные признаки, выражающие это отношение). По его мнению, значимость модуса тесно переплетается с признаком коммуникативного задания, а вместе они непосредственно соотносятся с данной ситуацией [158, с.97].

Представляется, однако, что модальность и эмоциональность должны четко разграничиваться как в плане языкового выражения, так и в аспекте их лингвистической сущности. Г.В.Колшанский отмечает, что "лингвистическая проблема модальности в гносеологическом плане может решаться при помощи ее общей семантической и логической интерпретаций и должна рассматриваться как проблема выражения определенного значения в конкретных и разнообразных формах данного языка" [66, с.98]. Что касается модального содержания высказывания, то, как отмечает далее исследователь, оно есть «мысль как отражение действительности, взятое со стороны "модуса" существования действительного явления (возможность, действительность, необходимость). Это содержание реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения» [66, с.97]. В этом смысле модальность остается общей семантической категорией, которая характеризует повествовательное, побудительное и

вопросительное высказывания. Вопросительность характеризует высказывание о точки зрения недостатка информации о каком-либо объекте.

Подчеркивая взаимосвязь между модальностью и разными эмоциональными значениями, В.В.Виноградов отмечал, что обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей, находятся между собой в самом тесном взаимодействии. Вместе с тем он указывал на необходимость четкой грани между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности [28].

По модальности предложения в широком понимании чехословацкий лингвист М.Кубик различает предложения повествовательные (*oznamovací*), побудительные (*zadáci*), желательные (*prací*), вопросительные (*tázací*) [199, с.17, 81]. Наряду с повествовательностью, желательностью и вопросительностью М.Кубик отмечает пятый тип модальности, названный им модальностью в узком смысле слова, которая находит свое выражение в том, что сообщаемое в предложении представляется говорящему реальным, вероятным, необходимым, возможным, сомнительным и т.п.

В теоретической литературе имеется попытка трактовать модальность в прагматическом аспекте, в частности как модальные предикаты *pouvoir* и *devoir* [229]. Интерес к модальным предикатам связан с изучением непрямых речевых актов.

Эмоциональность изучается также в плане соотношения семантики и интонации. Эмоциональное значение высказывания как один из компонентов плана содержания отражается на организации его плана выражения, интонационной структуры в том числе. Высказывание получает эмоциональную окраску не только через лексическое наполнение, но и через модификацию мелодического рисунка [39, 41, 65, 92]. Эмоциональность рассматривается некоторыми лингвистами в качестве одного из релевантных признаков интонационной структуры предложения [1, с.118].

И.Г.Торсуева ставит вопрос несколько иначе, а именно, как "включенность и/или невключенность эмоций в состав значений, реализуемых интонационной формой" [136, с.119]. Согласно одной точке зрения можно выделить единицы интонации, выражающие конкретные эмоции [208]. Согласно другой точке зрения интонационные единицы одновременно со своими основными лингвистическими функциями, коммуникативной и функцией выделения, выполняют функцию передачи эмоционального состояния говорящего и степень эмоциональной насыщенности высказывания "безотносительно к тому, какие именно конкретные эмоции при этом выражены в речи" [136, с.120]. Лингвистику, по мнению И.Г.Тор-

суевой, не интересуют конкретные эмоции, а только степень эмоциональной насыщенности высказывания, независимо от конкретной эмоции. Анализ данной проблемы в аспекте лингвистики текста приводит ее к выводу о том, что "семантика текста (его содержание и смысл) и семантика высказывания определяют в данном тексте значение слова и значение интонационной формы. Регулярность соотношения определенного значения и определенной формы позволяет рассматривать эти значения как компонент общей семантики данной единицы в системе языка. Таким образом, оказывается, что эмоциональный компонент входит, наряду с другими семами, в состав слова и интонационной единицы. Следовательно, в теории интонации нет необходимости выделять особые единицы, соответствующие конкретным эмоциям" [136, с.120].

Прагматическая трактовка эмоций заключается, на наш взгляд, в том, что выражение говорящим своего эмоционального состояния может рассматриваться в качестве значения иллокутивного намерения. Выявление и классификация различных иллокутивных (или прагматических значений) является одним из нерешенных вопросов прагматики. И.Г. Торсуева полагает, что ситуативно-прагматические типы высказываний будут включать, по существу, типы, обозначенные в языке глаголами речевого действия: просить, обещать, жаловаться, порицать, подтверждать, объяснять и т.д. [136, с.118]. М.Мартен-Балтар, напротив, считает, что количество иллокутивных актов больше, чем глаголов, их обозначающих [211].

Учитывая, что, по словам К.Кербрата-Орекьони, высказывание может быть иллокутивно маркировано дважды и более раз, есть основание утверждать, что высказывание "Il est parti", произнесенное с грустью, имеет иллокутивное значение передачи информации о третьем лице, а также выражает свое эмоциональное состояние по поводу сообщаемого в высказывании факта. Нередко в ситуациях живой разговорной речи одно из иллокутивных значений одерживает верх. Допустим, что в приведенном примере факт отъезда какого-то лица известен собеседнику, говорящий знает об этом, но ему важнее сказать собеседнику о своем отношении к этому факту.

Иллокутивная структура текста является еще более сложной. Так, в стихотворении Ж.Превьера "Rue de Seine", относящемся к разряду белых стихов, автор комментирует реплику одного из персонажей этого небольшого драматического произведения. Значение вопроса, которое повторяется на протяжении всего стихотворения, "Pierre? dis-moi la vérité" стирается и на первый план выступают значения, отмечаемые самим автором: "c'est une plainte... un ordre; un cri..." "Le cri d'un être les doigts pris dans la portière", и т.д.

§ 4. Порядок слов и актуальное членение как средства выражения иллюкутивного значения вопросительности

Функционирование вопросительного высказывания в речи связано как с порядком следования организующих его структуру компонентов, так и с актуальным членением [142]. Порядок следования обнаруживает признаки грамматической категории, означающее которой – линейная последовательность, а означаемое – те значения, которые результируют из/или отражаются в изменении этой последовательности. Некоторые исследователи отмечают, что "значимость порядка следования трехмерна, а следовательно, и его план выражения обнаруживает трехнаправленную мотивацию, которая раскрывается векториальностью к денотату, сигнификату и структуре" [II, с.57].

В исследовании о порядке слов во французском языке А.Блинкенберг пришел к выводу, что говорящим выбирается тот или иной порядок следования исходя из значения сочетающихся слов, отношения, существующего между этими значениями, грамматической характеристики сочетающихся в предложении слов,

длины сочетающихся компонентов, психологического состояния говорящего [165, р.126].

По мнению же Ф.М.Галкиной-Федорук, порядок слов зависит от структуры предложения, морфологического способа выражения членов предложения, наличия второстепенных членов предложения, наличия обособленных членов предложения [34, с.224].

Уточняя данное положение, Е.М.Галкина-Федорук отмечает, что в простом предложении порядок слов отражается в первую очередь на его главных организующих элементах – подзащем и сказуемом. Это положение остается в силе и для нормативной грамматики французского языка, согласно которой вопросительное предложение отличается от повествовательного инверсией главных членов. Е.М.Галкина-Федорук находит обоснование порядку следования в структурном значении элементов предложения на уровне членов предложения. А.Блинкенберг же обосновывает законы порядка следования морфолого-лексическими и психологическими значениями сочетающихся слов на уровне частей речи. Общим для обоих лингвистов является комплексная мотивировка порядка следования, т.е. за основу берется не один критерий, а их множество.

В языках, имеющих слабо развитое формоизменение, морфологическая недостаточность восполняется порядком слов и интонацией, ко-

торые становятся, таким образом, средством как грамматического, так и логического подчинения. По этому поводу Е.М.Галкина-Федорук пишет: "Если слово в статике не может обнаружить того или иного своего грамматического значения, то это же слово в движении, то есть в речи, в контексте, в связи с другими словами, найдет другие средства и способы обнаружить грамматическое значение. Этими средствами могут быть: место слова в предложении, соотношенность с другими словами, особенности сочетаний слов, порядок слов и интонация" [33, с.398].

Во французском языке порядку слов уделяется много внимания, в основном грамматистами, как в плане функциональной организации предложения [55, с.150-165], так и в плане коммуникативно-коннотативной нагрузки его составных частей [19, 31, 115, 165]. Порядок следования членов предложения интересует фонетистов прежде всего с точки зрения изменения конфигурации интонационной структуры соответствующих типов предложений. Изменения коммуникативной значимости членов предложения часто определяется их местоположением и порядком следования.

Согласно нормативной грамматике французского языка вопросительное предложение отличается (в плане функциональной организации) от повествовательного позиционным инвертированием подлежащно-сказуемого отношения как при общем, так и при частном вопросе. Последний тип вопроса требует согласно той же нормативной грамматике препозицию вопросительного слова по отношению к сказуемому.

Однако, как констатирует Р.Жоржен, уже в классической литературе времен Ж.Расина встречаются случаи употребления вопросительных предложений без инверсии главных членов, как например: "- Vous êtes sans parents?" (G.Racine) [183, p.202]. Но наиболее часто эта конструкция употребляется в современном языке: Vous trouvez? [241, p.146]; Tu l'as vu? [240, p.10].

Г.Раншон не только отмечает возрастающую частотность употребления вопросительного предложения без инверсии в период развития литературного и разговорного французского языка от старофранцузского до современного его состояния, но и делает подробный анализ (порой взаимоисключающих и противоречивых) мнений французских грамматистов, стилистов и риториков относительно этой конструкции [224, p.100-138]*.

* Порядку слов уделяется внимание не только во французском языке. Например, порядок слов в русском языке, история становления норм его употребления, его функции в современном русском языке подробно описаны И.И.Ковтуновой [61-64].

В учебнике по курсу теоретической грамматики французского языка Е.А.Реферовская и А.К.Васильева отмечают, что основное различие между повествовательными и вопросительными предложениями заключается в том, что в вопросительных предложениях имеются вопросительные слова. Что касается инверсии подлежащно-сказуемого комплекса, то такие конструкции, по их мнению, постепенно исчезают [223, р.47].

Особое значение в противопоставлении двух типов предложений приобретает интонация. Многие лингвисты отмечают определенное взаимодействие и взаимосвязанность интонации и лексического состава предложения [22, с.219-222]. Грамматическая структура вопроса зависит часто от лексико-семантической сочетаемости компонентов, наполняющих предложение.

Таким образом, в общей системе языка лексика взаимодействует не только с грамматикой [II9, с.II-53; I4I, с.I77-I78], но и с интонацией, а через экспрессию звуков [I28, с.9II-9I2] и с другими аспектами фонетики. В предложении как максимальной грамматической единице можно видеть пример наибольшей гармонии между фонетическими и грамматическими единицами [3, с.3I]. В связи с этим обращает на себя внимание высказывание Г.П.Торсуева о характере взаимосвязи между различными языковыми ярусами: "...Взаимодействие лексических, грамматических и интонационных средств может быть очень сложным. В одних случаях они имеют одинаковую направленность, в других - как бы вступают в противоречие" [I30, с.2I6].

Порядок слов в предложении тесно переплетается с актуальным членением, так как суть актуального членения состоит в организации и оформлении (синтаксическом, лексическом и интонационном) компонентов предложения согласно их коммуникативной значимости с точки зрения говорящего*. Актуальное членение не совпадает с синтаксическим членением предложения, которое является полифункциональным. Тем не менее порядку слов как одному из средств актуального членения уделяют много внимания все специалисты по теории актуального членения предложения. Функционируя на уровне синтаксического и на уровне актуального членения, порядок слов, например, в современном русском языке выполняет основную функцию актуального членения предложения [62].

* Вопросы теории актуального членения предложения ставились различными исследователями и разрабатывались на материале ряда языков. Еще в 1899 г. Ф.Брюно, объясняя разницу между французскими предложениями: *Scipion détruisit Carthage; Carthage fut détruite par Scipion; La destruction de Carthage fut l'oeuvre de Scipion*, отмечал, что она состоит в размере заключенной в данных предложениях информации, уже известной для говорящего и слушающего и неизвестной [I67].

При актуальном членении в предложении выявляется его смысловой центр ("ядро" — согласно терминологии В.Матезиуса, "новое" — по К.Г.Крушельницкой), который противопоставляется менее значимой части высказывания ("основа высказывания" — по В.Матезиусу и И.П.Распопову, "данное" — по К.Г.Крушельницкой).

Разноаспектный подход к изучению коммуникативного содержания предложения привел к появлению различных терминов, служащих для наименования единиц актуального членения. Однако, как отмечает О.А.Лаптева, "существующие термины (логический субъект — логический предикат, тема — рема, данное — новое, исходная часть — ядро) сходятся в обозначении бинарности членения и на практике употребляются без существенных различий, различаясь, кажется, лишь тем, что в третьей паре, употребляемой в последнее время чаще, наличествует указание на содержательную интерпретацию членов деления" [78, с.38].

Следовательно, термины актуальное членение и логический предикат соизмеримы, они отражают лишь разные стороны и отношения одного и того же уровня — уровня функционально-коммуникативной организации предложения. Если актуальное членение отражает функциональную организацию предложения, то термином логический предикат (новое, рема, смысловой центр и т.п.) обозначается лишь одна, основная сторона этого явления. Фактически в последнем случае предложение рассматривается в статике, и исследователь абстрагируется от контрастно-синтагматического отношения единиц актуального членения.

Достижения в области лингвистики текста обогатили теорию актуального членения новыми данными. Как и порядок слов, актуальное членение стало рассматриваться в качестве средства связи в тексте [63]. Г.А.Золотова отмечает, что "категории актуального членения — тема и рема (данное и новое) — одни из главных организаторов связности текста, движения мысли от предложения к предложению" [54,

Как констатирует И.И.Ковтунова, при обосновании теории актуального членения ее основоположник В.Матезиус опирался на некоторые идеи французского лингвиста XIX в. А.Вейля [62]. Теория актуального членения получила дальнейшее конструктивное развитие не только в трудах таких представителей Пражского лингвистического кружка, как Ф.Данеш, Я.Фирас, П.Адамец, И.Мистрик, но и в работах лингвистов других стран. Эту проблему затрагивает, например, Ш.Балли [10]. В советской лингвистической литературе проблеме актуального членения посвящены многочисленные труды таких лингвистов, как К.Г.Крушельницкая, И.П.Распопов, В.С.Юрченко, А.С.Мельничук, И.И.Ковтунова, О.А.Лаптева, и многих других. В подавляющем большинстве работ актуальное членение рассматривается как особый уровень анализа (уровень коммуникативный, коммуникативно-синтаксический, логико-грамматический, супрасинтаксический, динамический [16, 26, 99, III, II4]).

с.118]. Далее автор отмечает, что текст, смысловое задание текстового фрагмента, его коммуникативно-смысловая доминанта обуславливают распределение темо-рематических ролей в предложении.

Обусловленность порядка слов и актуального членения в структуре текста смыслом всего текста в целом объясняется тем, что «порождение текста в реальных коммуникативных процессах происходит не путем механической конкатенации предложений, а "сверху вниз", путем развертывания некоторого доминирующего смыслового ядра» [70, с.119]. Иначе говоря, в процессе порождения текста, заключающегося в линейном развертывании иллокутивного макроакта текста в последовательность иллокутивных макроактов, порядок слов и актуальное членение выступают маркерами иллокутивных микроактов в структуре текста.

Изучение порядка слов и актуального членения в вопросительном высказывании связано со сложностью выделения в нем темы и ремы. Представляется, что включенность вопросительного высказывания в текст снимает эту сложность, так как дает возможность его однозначной трактовки.

§ 5. Супraseгментные и сегментные средства выражения прагматических значений вопросительности и эмоциональности

Выражение различных иллокутивных значений с помощью интонации можно рассматривать как проявление функции интонации, известной под названием имплицативной. К имплицативной функции интонации относятся случаи выражения интонацией различных оттенков смысла высказывания, невыраженных лексически или грамматически. Имплицатив видоизменяет мелодические контуры коммуникативных типов высказываний до неузнаваемости [172, 207], а следовательно, и разрушает прагматические значения коммуникативных типов высказываний.

В своих "Exercices systématiques de prononciation française" М.Леон отдельно выделяет упражнения на *phrases énonciatives implicatives, phrases interrogatives implicatives, phrases impératives implicatives* [207]. Внимательный слуховой анализ не позволяет одинаково четко определить вопросительность, утвердительность и повелительность в этих упражнениях. Приводимые автором в скобках оттенки смысла, выражаемые интонацией, можно с полным правом отнести к различным иллокутивным значениям:

Ils vont au cinéma? (La veille de leur examen, quelle horreur!)

Vous avez la clé? (C'est bien sûr.)

Comment la trouvez-vous? (Je vous avais bien dit qu'elle était formidable!)

Pourquoi l'as-tu gardé? (Puisque tu n'en voulais pas!)

Combien serez-vous de personnes? (Pour un simple mariage! C'est de la folie).

Quand travaille-t-elle? (Jamais, vous le savez bien.)

Où allez-vous? (Je le sais bien, mon cher!)

Lequel voulez-vous? (Prenez celui que vous voulez et qu'on en finisse!)

Qui y a pensé? (C'est moi comme toujours!)

Avec quel argent va-t-il payer? (J'aimerais bien le savoir moi!)

Qu'est-ce que j'en ai fait? (Je n'en ai aucune idée!)

Est-ce que vous l'avez vu? (Avec cet affreux chapeau!)

Qu'est-ce que vous lui avez dit? (Pour la mettre dans un état pareil!)

Est-ce que la radio l'a annoncé? (Non? Bon, alors il n'y a pas de vacances.)

Le téléphone n'a pas sonné? (Il me semble l'avoir entendu.)

При анализе вопросительного предложения исследователи отмечают, что его смысловой центр, или вопросительный предикат, отличается от смыслового центра повествовательного и побудительного предложений своей неопределенностью, которая и вызывает вопросительность, требуя ответа или подтверждения у слушающего [104]. Таким образом, иллокутивное значение вопросительности заключено в смысловом предикате вопросительного высказывания. По отношению к логическому предикату логическое ударение выступает как средство его выражения. Под логическим ударением в лингвистической литературе понимается "усиленная акцентуация того или иного слова фразы с целью его смыслового подчеркивания..." [78, с.45].

Различают два аспекта логического ударения: его функциональное назначение и его фонетическую природу*. В настоящей работе

* При функциональном подходе считается, что нефонетической стороной определяется функция логического ударения и что с позиции логического осмысления фонетическая сторона не составляет существенного признака [107, с.97]. Значимым с этой точки зрения считается признак функциональный, т.е. смысловой.

При выявлении фонетической природы логического ударения исследователями делается акцент на длительность, интенсивность, высоту и особый характер приступа гласного. Так, Л.В.Щерба, отмечая, что под интонацией следует понимать изменения высоты голоса (мелодика), силы звука (ритмика), относительной длительности отдельных звуков и тембра голоса, дает следующее определение логическому ударению: "Логическое ударение есть не что иное, как характерное видоизменение интонации предложения, выделяющее так называемое логическое сказуемое [155, с.158]."

Как бы продолжая мысль Л.В.Щерба, В.Е.Шевякова отмечает, что логическое ударение - это интонационный центр с резким повышением тона до верхней границы диапазона; локализуется оно на

принимается понятие "логическое ударение" как функционально-фонетическое единство, объединяющее функциональное назначение и фонетическую характеристику; при этом делается акцент на функциональную сторону данного явления. Говоря о фонетической природе логического ударения, мы ставим тем самым вопрос об интонационном оформлении смысла высказывания. Интонационный способ противопоставляется синтаксическому, лексическому и морфологическому способам оформления смыслового центра высказывания.

Возможность фонетического (или имплицитного, по терминологии М.Л.Мюллер-Хаузера) выделения основной мысли высказывания во французском языке отмечалась еще М.Граммом при анализе употребления выделительного ударения [186-187]. Исследуя вслед за М.Граммом возможность фонетического выделения, М.Л.Мюллер-Хаузер отмечает, что ударение, будь то ритмическое или выделительное, является увеличением 1) интенсивности, 2) высоты тона, 3) длительности [214, с.15]. Однако он уделяет внимание не столько фонетической природе самого выделения, сколько его графическому обозначению на письме. Этим, возможно, и объясняется тот факт, что М.Л.Мюллер-Хаузер не проводит четкой грани между фонетической природой логического ударения и способами его графического обозначения.

Имеются, однако, работы, в которых учитывается как фонетическая природа логического ударения, так и сфера его употребления. Например, в статье В.А.Ицковича и Б.С.Шварцкопфа анализируются оба эти фактора [56].

Способы интонационного оформления смыслового центра французского повествовательного предложения с прямым порядком следования

ударном гласном [149, с.113]. И далее: логическое ударение, разновидность фразового ударения, воспринимается на слух как наиболее сильное в данной фразе. "При этом акустический эффект главноударности слова (слога), выделенного логическим ударением и воспринимаемого как интонационный и смысловой центр, обусловлен не столько динамическим компонентом интонации, сколько переломом в движении голосового тона: в главноударном слоге ("ядерном" - по А.Тимсону) реализуется терминальный восходящий или нисходящий тон ("кинетический" - по Р.Кингтону), сообщающий предложению интонационную и смысловую законченность и определяющий его коммуникативный тип" [149, с.113].

При организации предложения логическое ударение выполняет, по мнению П.С.Попова, следующие функции:

используется в целях осмысления предложения через "минимальное интонационное стягивание";

фиксирует оттенки речи, зависящие от других дополнительных факторов и находящиеся в связи с контекстом или обусловливаемые противопоставлениями внутри того же отрезка речи;

устанавливает новые смыслы, выявляет новые качества, вносит новое понимание [107, с.83].

главных членов описаны А.А.Смольевским, который выявил главные фонетические средства предиката французской фразы во всех его подожениях по сравнению с остальными частями высказывания [121]. Анализируя различные типы вопросительных предложений, Н.А.Шигаревская указывает, что самым высоким тоном выделяется основное для вопросительности слово [170].

Признание возможности фонетического выражения смыслового центра опровергает господствующее во французской лингвистике мнение об изоморфизме во французском языке структуры предложения и структуры логемы [12].

Система средств выражения логического предиката — многоуровневая, а само актуальное членение — многоярусное [75]. Наряду с интонационными имеются и другие средства выражения логического предиката: морфологические, синтаксические, лексические, аффиксальные. Однако следует подчеркнуть, что универсальным средством выражения логического предиката, имеющим место в языках всех типов, является логическое ударение [102]. С этой точки зрения порядок слов выступает как вспомогательное средство актуального членения, поскольку любое изменение в порядке слов отражается в интонационной структуре высказывания [195]*.

Одной из задач проведенного нами экспериментально-фонетического исследования являлось определение места наиболее важного сегмента (смыслового центра или вопросительного предиката) при выражении вопросительности. Экспериментальными высказываниями стали трехсложные односегментные вопросительные предложения с прямым порядком слов без вопросительного слова типа "Tu repars?" и четырехсложные вопросительные высказывания с вопросительным словом в позиции типа "Tu repars quand"***.

* Актуальное членение пересекается с членением предложения по степени важности, но не тождественно ему [97]. Членение предложения по степени важности постулируется и обосновывается теоретически И.Г.Торсуевой [134]. Суть членения предложения по степени важности состоит в учете информативно-коммуникативной иерархии значимых компонентов при организации высказывания, которая выражается средствами интонации. Роль интонации в членении высказывания по степени смысловой важности является доминирующей [81].

*** Выбор указанных синтаксических конструкций объясняется тем, что в разговорной речи современного французского языка наблюдается тенденция к унификации структурно-позиционного оформления вопросительного и повествовательного предложений по модели последнего.

Стремление французского разговорного языка к прямому порядку слов в вопросительном предложении по аналогии с повествовательным отмечают Н.А.Шигаревская, А.Фрей, Ж. и Р.Ле Бидуа, Ж.Гутенейм, Р.Мишеа, П.Ривенк и О.Соважо и другие лингвисты [152, с.92-94, 101-102; 180, с.158; 200, с.459; 184, с.225-226]. Французский лингвист Л.Готье констатирует, что в разговорном народном языке предложения, выра-

Интонационное оформление смыслового центра исследуемых типов вопросительных высказываний определяется рядом факторов. Например, наличием или отсутствием вопросительного слова, его местоположением по отношению к сказуемому. Во французском языке интонация вопросительного высказывания изменяется в зависимости от места смыслового центра.

При анализе вопросительных высказываний с прямым порядком слов лингвисты отмечают, что вопросительный предикат, находясь в конечной, самой сильной позиции, получает таким образом синтактико-позиционную оформленность, которая фактически и является одним из основных его признаков [151, с.112].

Некоторые французские лингвисты считают, что для современного французского языка характерна тенденция к передвижению смыслового центра в конец предложения независимо от коммуникативного типа. Например, смысловой центр выражен именем существительным в функции подлежащего:

"Le Troyen, le Bordelais et l'Aixoise ont raté dimanche, le coup de pied de réparation qu'avait accordé, à leur équipe, l'arbitre" [239].

Результаты аудиторского и инструментального анализов подтверждают положение о том, что наиболее важный сегмент (смысловой центр, или вопросительный предикат) при выражении вопросительности в изучаемых типах высказывания находится в конечной позиции независимо от наличия или отсутствия вопросительного слова. Сопоставление данных аудиторского анализа, полученных при прослушивании вопросительных высказываний с прямым порядком слов без вопросительного слова

яющие прямой и косвенный вопросы, строятся по модели первого [182, с.266].

Об укреплении тенденции прямого порядка следования в различных функциональных стилях французского языка красноречиво говорят статистические данные Н.А.Шигаревской: от 89 до 95 на 100 предложений в речи персонажей десяти романов Ж.Сименона; от 86 до 96 на 100 предложений в четырех пьесах Руссена; в среднем 82 на 100 предложений в семи пьесах Ж.Ануя и от 72 до 96 предложений в двух романах А.Труайя.

В частновопросительном предложении вопросительное слово нередко ставится в постпозицию по отношению к сказуемому. Примеры таких структур мы находим не только в классической французской литературе, но и в современной.

Нормативное вопросительное предложение теряет в выразительности по сравнению с вопросительным предложением с прямым порядком слов. Последнее вытесняет традиционные формы выражения категории вопросительности, отмечает Э.Руде [228, с.17-18], который упрекает авторов современных французских грамматик в том, что они отождествляют французский язык с письменно-литературным его вариантом и не учитывают соотношения языка и речи. В разговорной речи вопросительное предложение с вопросительным словом в постпозиции становится все более употребительным [230].

и вопросительных высказываний с прямым порядком слов с вопросительным словом в постпозиции, свидетельствует об отсутствии существенных интонационных различий между этими типами вопросительных высказываний. Только в отдельных случаях были отмечены небольшие различия по мелодическому уровню. В реализации вопросительных высказываний без вопросительного слова мелодический уровень конца высказывания несколько превышал мелодический уровень конца вопросительного высказывания с вопросительным словом в постпозиции.

Рассмотрим графики движения частоты основного тона (ЧОТ) в полутонах высказываний "Tu gerears?" и "Tu gerears quand?", а также схему движения ЧОТ этих двух высказываний (рис. 2-3). Как видим, интонация играет главенствующую роль в выражении прагматической категории вопросительности, так как наличие вопросительного слова в высказывании не влияет на положение вопросительного предиката в структуре высказывания и не вызывает существенных интонационных различий.

Данные интонационных исследований на материале отдельных языков показывают, что проявление эмоций в речи наслаивается на коммуникативный тип высказывания. Эмоциональная окраска высказывания создается благодаря взаимодействию в нем средств лексики, лексической морфологии и интонации [28]. В языке имеются лексические средства выражения эмоций, о которых довольно подробно говорит в одной из своих работ В.Г. Гак [32], и грамматические средства, изучение которых достигло в настоящее время особой глубины и точности. Каждое в отдельности или сочетаясь, эти средства могут сообщать любому коммуникативному типу предложения эмоциональную окраску. Однако, как подчеркивает Н.А. Шигаревская, эмоциональная интонация одновременно присутствует и при наличии эмоциональной лексики и экспрессивного синтаксиса [230].

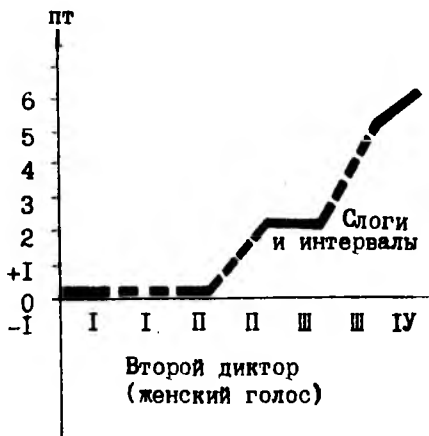
По мнению М.В. Гординой, в интонационном выражении эмоциональных оттенков участвуют все интонационные средства: мелодика, интенсивность, темп, тембр голоса, особые характеристики отдельных звуков [42]. Некоторые исследователи отмечают, что эмоциональное напряжение человека вызывает определенные тембральные перестройки голоса, которые модулируют частоту основного тона [18].

Интонационные исследования свидетельствуют, что проявление эмоций является комплексным по интонационным параметрам. Как показали эти исследования, наиболее информативными в иерархии интонационных параметров при реализации разных коммуникативных типов в эмоционально окрашенной речи следует признать частоту основного тона (ЧОТ).

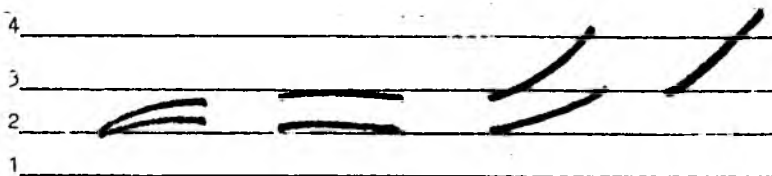
В данной работе эмоции предстают как прагматические компоненты смысла высказывания, отображаемые не лексически и не средствами лексической морфологии, а интонацией (частотой основного тона, амплитудой).

Tu repers?

Tu repers quand?

Р и с. 2. График движения ЧОТ (в полутонах)

Р и с. 3. Схема движения ЧОТ (шкала уравнений): второй диктор (женский голос)

литудой звукового давления, временными характеристиками). Это свидетельствует о том, что интонация обладает языковым статусом, т.е. является средством выражения разного типа значений. Примечательно в этом отношении мнение Ю.С.Степанова о рассмотрении интонации как прямого средства выражения смысла вообще. Факт изучения интонации как отдельного средства выражения смысла позволяет ему распределить все типы интонации на несколько групп и подгрупп в зависимости от значимости интонационного элемента при выявлении содержания грамматической структуры. Важным для нашего исследования представляется положение Ю.С.Степанова о том, что "тоновый контур является компенсирующим..." фактором при толковании значения предложения [123]. Такое явление наблюдается, когда психологический предикат не совпадает с грамматическим сказуемым.

О компенсирующей значимости интонации, писал еще в начале века Г.Грёбер, отмечая, что аффективная речь отличается от интеллектуальной тем, что оставляет невыраженным, заменяя паузами, интонацией и

жестами или дополняя контекстом и ситуацией то, что интеллектуальная речь передает в словах; она не пользуется строго объективными словами; она также располагает слова в предложении в тех местах, которые в интеллектуальной речи предназначены для других членов предложения [188].

Как отдельное средство выражения смысла вообще интонация наслаивается на нормативный, "типовой" тоновый контур и является носителем эмоции.

В ходе исследования интонационных средств выражения различных эмоций и их влияния на категорию вопросительности нами были подобраны из произведений современных французских авторов контексты, в которых вопросительные высказывания указанного типа окрашивались эмоциональными оттенками радости, грусти, гнева, раздражения, злорадства. Всего оказалось возможным исследовать 200 ситуаций, что в произнесении дикторов составило 600 реализаций.

При реализации анализируемых типов вопросительных структур в эмоционально окрашенной речи происходят значительные изменения супrasegmentных и сегментных характеристик. Эмоциональные оттенки, наслаиваясь на вопросительность, частично разрушают ее. Так, результаты аудиторского анализа показали, что коммуникативный тип высказываний без вопросительного слова был опознан как вопрос только в 75% случаев. В 11% случаев аудиторы отметили восклицательные реализации; в 13% случаев отмечались реализации, не выражающие вопрос. На первый взгляд, представляется, что результаты исследования опровергают мнение тех исследователей, которые считают, что интонационные единицы одновременно со своими двумя основными лингвистическими функциями — функцией выражения коммуникативного типа высказывания и функцией смыслового подчеркивания отрезков высказывания (экспрессивная функция) — выполняют функции передачи эмоций [135—136]. Однако это происходит только в том случае, если передача эмоционального состояния говорящим не входит в его намерение. Когда эмоции произвольны, они не нарушают коммуникативного типа высказывания. Высказывание в этом случае иллокутивно маркировано только один раз. Его иллокутивное значение состоит в выражении категории вопросительности. Намеренное выражение своего эмоционального состояния говорящим приводит к стиранию значения вопросительности. В тех же случаях, когда вопросительность и эмоциональность одновременно составляют намерение говорящего, значение вопросительности не стирается и сосуществует с эмоциональным значением.

На взаимодействие вопросительности и эмоциональности высказывания влияет также характер эмоций. Так, при реализации эмоциональных оттенков злорадства и грусти вопросительность в исследуемых

типах высказываний стирается частично, а выражению гнева, раздражения и радости сопутствуют уменьшение степени вопросительности. Вопросительные высказывания, произнесенные с гневом, с раздражением или радостью, воспринимаются аудиторами как восклицательные.

Выявление определенного набора признаков для реализации каждого эмоционального оттенка как на перцептивном уровне, так и на уровне объективных физических свойств, позволяет отметить, что процент опознавания и степень выраженности речевых реализаций эмоциональных оттенков находятся в прямой зависимости от степени проявления выделенных интонационных признаков. Наблюдается также стирание эмоциональности в тех случаях, когда эмоции носят ярко выраженный непреднамеренный характер.

Экспериментальное исследование дало возможность выявить "пучки" акустических признаков и соответствующих им воспринимаемых качеств, четко разграничивающие нейтральные и эмоциональные реализации вопросительных высказываний, а также эмоциональные реализации в группе исследованных эмоциональных оттенков.

В дифференциации реализаций эмоциональных оттенков релевантными являются не только величины параметра ЧОТ, но и амплитуда звукового давления (АЗД), а также временные параметры, фиксируемые на определенных участках линейной организации высказывания. Анализируемые участки, главным образом участки конечного ударного слога исследуемых типов вопросительных высказываний, оказались необходимыми и достаточными для противопоставления реализаций эмоциональных оттенков, что нашло отражение в результатах статистической обработки полученных данных.

Направление движения основного тона является наиболее существенным признаком конфигурации огибающей ЧОТ. Последняя характеризуется такими параметрами, как крутизна нарастания и убывания ЧОТ внутри слогов, увеличение/уменьшение внутрислоговых и межслововых интервалов ЧОТ, а также максимальных и минимальных значений ЧОТ в высказывании. Данные эксперимента позволяют проследить случаи частичной нейтрализации признака движения основного тона, обусловленного характером движения ЧОТ, и варианты восстановления его дистинктивной функции.

Реализации, нейтральные в эмоциональном отношении, характеризуются восходящим движением основного тона в вопросительных высказываниях как с прямым порядком слов, так и с вопросительным словом в конце высказывания. При выражении эмоциональных оттенков радости, гнева и раздражения сохраняется указанное направление движения основного тона.

Несмотря на кажущуюся константность конфигурации движения частоты основного тона в нейтральных и эмоциональных реализациях, результаты исследования показывают значительные изменения во внутренней интонационной структуре эмоционально окрашенных реализаций. Мелодический рисунок эмоциональных реализаций разворачивается на втором-пятом уровнях мелодической шкалы в отличие от эмоционально нейтральных произнесений, разворачиваемых на втором-четвертом уровнях той же шкалы.

Что касается реализаций эмоциональных оттенков грусти и злорадства, то их мелодический рисунок модифицируется: ровно-восходящий при выражении грусти и восходящий с нисходящим завершением при выражении злорадства. Таким образом, в реализациях этих двух эмоциональных оттенков наблюдается проявление дистинктивной функции указанного признака.

При выражении эмоциональных оттенков радости, гнева, раздражения и злорадства выявляется тенденция к значительному нарастанию максимальных значений ЧОТ от слога к слогу. Менее четко наблюдается она при выражении грусти. Частотный максимум при реализации как эмоционально окрашенных, так и нейтральных высказываний локализуется, как правило, на участке последнего ударного слога.

Наряду с общей конфигурацией, огибающей ЧОТ, в дифференциации эмоциональных оттенков участвует и частотный диапазон высказывания. Результаты, полученные в ходе анализа по данному признаку, свидетельствуют о наличии в экспериментальном корпусе следующих групп:

I - группа реализаций гнева и раздражения, для которых характерна большая величина рассматриваемого показателя;

II - группа реализаций радости и злорадства, которые отмечены самым широким частотным диапазоном (особенно для реализаций в произнесении одного из дикторов). Полученные результаты положительно коррелируют с данными на уровне восприятия;

III - группа реализаций эмоционального оттенка грусти, которые характеризуются узким диапазоном.

Исходя из результатов исследования скорости изменения ЧОТ (особенно на ударном слоге) можно выделить две группы реализаций. В первой группе эмоциональные оттенки радости, гнева, раздражения и злорадства выделяются достаточно большими значениями данного показателя. Во второй группе реализации грусти отмечены наименьшие значения скорости изменения ЧОТ.

Таким образом, в разграничении реализаций эмоциональных оттенков на акустическом уровне участвуют следующие частотные компоненты: общий рисунок огибающей ЧОТ; локализация частотного максимума; величина внутрислоговых интервалов увеличения/уменьшения ЧОТ на отдельных участках реализаций; величина частотного диапазо-

на реализации; скорость изменения ЧОТ на отдельных участках реализации.

Амплитудные или силовые характеристики также обладают определенной степенью значимости при выражении тех или иных эмоциональных оттенков. Значительное усиление пиковой АЗД имеет место при выражении гнева и раздражения. Некоторое усиление силового компонента также отмечается в реализациях радости и злорадства. Существенное ослабление АЗД наблюдается при выражении грусти.

Темпоральные характеристики среднеслоговой и среднезвуковой длительности также способствуют разграничению реализаций эмоциональных оттенков. При выражении радости, гнева и раздражения наблюдаются малые значения общей, среднеслоговой и среднезвуковой длительности. Большие значения указанных параметров отмечаются в реализациях злорадства и грусти.

Показатель процентного соотношения вокалического/консонантного временного наполнения реализаций указывает на то, что наиболее вокалически насыщенными являются реализации злорадства и грусти. Реализации эмоционального оттенка раздражения характеризуются как консонантно более насыщенные по сравнению с нейтральными реализациями. При выражении радости и гнева отмечается в высказываниях относительно равное консонантно-вокалическое временное наполнение.

Результаты темпоральных характеристик речевых реализаций эмоциональных оттенков указывают на ускорение темпа для реализации гнева и радости. Ускоренный темп отмечается при выражении раздражения. Медленный темп характерен для реализации грусти и злорадства.

Значимость темпоральной характеристики подтверждается наличием положительной корреляции при сопоставлении результатов аудиторского и инструментального анализов. Изучение физических характеристик гласных методом спектрального анализа и соотношенности физических и артикуляционных характеристик гласных в эмоциональных реализациях позволило выявить определенные различия по исследованным показателям в сопоставлении с нейтральными реализациями.

В пределах изученного материала можно выделить следующие основные тенденции. При выражении грусти наблюдается тяготение к закрытому варианту гласных, а открытый вариант гласных характерен для реализаций радости, злорадства и гнева. По показателю передне/заднего положения языка (высоко/низкочастотность) наименее передняя артикуляция гласных характерна для эмоций радости и злорадства. Увеличение лабильности характерно для грусти.

Анализ энергетической насыщенности формантных областей позволил определить, что наибольшая энергетическая насыщенность формантных областей характерна для гнева и раздражения; средняя энергетиче-

ческая насыщенность - для радости и злорадства; малая энергетическая насыщенность - для грусти.

Перечисленные тенденции в реализациях гласных обнаруживаются особенно четко в ударной позиции.

С помощью модифицированного t -критерия Стьюдента, позволяющего выявить наличие/отсутствие систематических расхождений между средними значениями того или иного параметра в бинарных оппозициях "нейтральная реализация - эмоционально окрашенная реализация" и "эмоционально окрашенная реализация - эмоционально окрашенная реализация", можно охарактеризовать реализации каждого эмоционального оттенка посредством определенных интонационных признаков. Эти признаки позволяют различить реализации эмоциональных оттенков и разграничить эмоциональные и нейтральные реализации как на перцептивном уровне, так и на уровне объективных физических свойств.

СУПРАСЕКМЕНТНАЯ И СЕКМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА
ИРОНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

§ I. Лингвистические интерпретации иронии

Опыт изучения иронии свидетельствует о ее необычайной сложности и многогранности. Ирония далеко выходит за рамки речевого явления. Ироническую окраску может иметь любое творение человека. Например, по свидетельству Д.С.Лихачева, ирония характеризует сады Барокко [83, с.13].

В теории иронии имеется много спорных и нерешенных вопросов, в частности соотношение иронии и родственных ей понятий комического, юмора, сатиры и остроумия. Перечисленные понятия у различных авторов нередко имеют совершенно одинаковую с иронией трактовку, что затрудняет исследование иронии и лингвистических средств ее выражения.

А.Ф.Лосев и В.П.Шестаков, проследив историю развития трактовок иронии в эстетике, отмечают, что, хотя ирония известна очень давно, она до сих пор еще достаточно полно не исследована [84]. В большинстве философско-эстетических работ используется устаревшее антифрастическое определение иронии, что, с нашей точки зрения, сдерживает изучение философско-эстетических сторон иронии, а это в свою очередь сказывается на уровне разработки данного понятия. Так, в лингвистической литературе отмечается, что до последнего времени ирония наиболее часто определялась как антифраза. В трудах по французской стилистике еще совсем недавно ирония упоминалась в связи с проблемой антифразы [8]. Большинство советских авторов трактует иронию как антифразу [24, 37, 94, 122]. В философских работах по иронии также фигурирует в основном определение иронии как антифразы [84, 87, 103].

В последнее десятилетие вышли работы, в которых оспаривается "тысячелетнее", по выражению французского исследователя А.Берандоне, определение иронии как антифразы [162, 164, 189, 192, 201, 212-213, 232]. В этих работах показывается ограниченность данного определения, поскольку оно не отражает сложности и многообразия иронии. М.А.Багдасарян убедительно доказывает, что ирония может выражаться самыми разнообразными стилистическими приемами помимо антифразы [8]. Особенно заметен недостаток антифрастического определения, когда

ирония выражается не с помощью инверсии смысла, а, наоборот, основывается на сосуществовании двух смыслов, ни один из которых не одерживает верх (пример так называемой двусмысленной иронии) [160-161, 192].

Помимо семантического механизма, лежащего в основе иронии, дискуссионным является вопрос о функциональной направленности иронии. Обсуждению подвергаются коммуникативные цели, которые преследует автор иронического высказывания или текста. Прежде всего это вопросы о том, доброжелательна или агрессивна ирония, свойственна ли ей одна какая-то цель или несколько. Антифрастическое определение иронии не отражает и этой, функциональной, стороны иронии.

Некоторые исследователи иронии, стремясь избежать недостатка антифрастического определения, дополняют его ссылками на связь иронии с другими лингвистическими явлениями. Ирония, например, может использоваться в целях создания тонких, едва уловимых оттенков модальности [37]. Имеются также случаи целиком модальной трактовки иронии [9, 43].

Не менее распространенным в лингвистической литературе является определение иронии как тропа [6, 27, 94, 189, 197, 198], что восходит к средневековой грамматической и риторической традиции [189]. Следует отметить, что нередко под определением иронии как тропа подразумевается антифраза.

К.Кербрат-Орекьони, придерживаясь тропологической трактовки иронии, подчеркивает, однако, что имеются такие формы иронии, которые выходят за рамки тропа [197]. На ее взгляд, нельзя отнести к тропу, например, референционную или ситуационную иронию. Из тропологического описания исследовательница исключает иронию, превышающую размеры слова или синтагмы и которая пронизывает весь текст в целом [197].

Французский исследователь иронии А.Беррандоне считает, что включение иронии в разряд тропов обедняет ее [164]. С точки зрения советской исследовательницы М.А.Багдасарян, ирония не является тропом, так как в основе тропа, по ее мнению, лежит образное словоупотребление, а ирония может быть и необразной, выражаясь, например, утвердительной формой глагола вместо отрицательной и наоборот [8].

Признание или непризнание за иронией статуса тропа зависит, как мы полагаем, от решения самой проблемы тропа. А.А.Потебня и его приверженцы и последователи рассматривают троп как способ художественного мышления, несводимый к речевой конструкции [30]. Понятие "образ", хотя и является близким тропу, отнюдь ему не тождественно, так как искусство не сводимо к употреблению образных

слов [30]. Поскольку понятие тропа может быть распространено на все надречевые и неречевые явления, ограничения, налагаемые на иронию при попытке ее определения как тропа, представляются нам несостоятельными. Для решения этого вопроса необходимо специальное исследование тропа, что не входит в задачу данной работы^{*}.

Учитывая сложность и многогранность иронии, которая выходит за рамки речевого явления, исследователи пытаются трактовать иронию с помощью некоторых философско-эстетических понятий. Так, М.А.Бегдасарян делает попытку определения иронии с помощью философской категории "отношение". Она трактует иронию как отношение субъекта к действительности, характеризуемое как оценочное, насмешливо-критическое [8]. Ряд авторов в поисках решения проблемы обращается к эстетической проблематике комического [44, II6, I20].

Английские исследователи Д.Спербер и Д.Вильсон рассматривают иронию как оценку (mention) [231]. По их мнению, иронизировать - значит дать оценку высказыванию. В этом случае высказывание содержит оценку своего собственного употребления.

Анализ имеющейся по проблеме иронии литературы со всей очевидностью показывает, что ирония не ограничивается отдельными сегментами текста, она может окрашивать самые разнообразные по объему его участки, вплоть до всего текста в целом. Авторы указывают на трудность определения границ контекстов, на которые распространяется ирония [II2]. Исследователи, придерживающиеся антифрастического определения иронии, отмечают, что в значении антифразы может выступать не только отдельное слово или словосочетание, но и предложение, и даже целый отрывок текста. К.Кербрат-Орекьони выделяет случаи, когда ирония превышает размеры слова и синтагмы и пропитывает весь текст, характеризуя общее дискурсивное поведение говорящего [I97-I98].

В ряде работ, опубликованных в последнее десятилетие, говорится об иронии как об организационном принципе строения текстов. О том, что ирония действует именно на уровне речи, ее "монтажа", имеются указания еще в классической риторике [I62]. Б.Алман, рассматривая иронию как литературный принцип, отмечает, что ирония - это способ построения речи, при котором существует различие между тем, что говорится буквально, и тем, что говорящий хочет сказать [I60]. Лишь только в наиболее простом случае, отмечает исследователь, это различие принимает форму противоположности. Б.Алман подчеркивает, что ирония не ограничивается отдельными фразами, что она не возникает от

^{*} На необходимость построения новой теории тропов указывается, например, в работе "Поэт и слово" [II2].

последовательности иронических фраз. Текст может быть в высшей степени ироническим и не содержать ни одной иронической ремарки. В драме В. Шекспира "Юлий Цезарь" фраза "And Brutus is an honourable man" представляет собой нечто иное, чем изолированная ироническая ремарка [160]. Для иронической функции этой фразы в структуре текста чрезвычайно важно ее повторение несколько раз. В первый раз фраза совершенно не воспринимается как ироническая, по крайней мере теми, кто не знает содержания пьесы. Она иронична только лишь для автора произведения. Ироническое содержание для читателей фраза приобретает вследствие своего неоднократного повторения.

Содержание идеи о том, что ирония является принципом структурной организации текста, раскрывается П. Хайду в анализе романа К. де Труа "Клижес" [189]. Л. Хатчен показывает функционирование иронии в качестве принципа структурной организации текста на примере анализа "серьезной пародии" [192]. Французский исследователь Р.-М. Альберес подчеркивает, что ирония связана прежде всего с изображением вещей, она проявляется в интерпретации фактов рассказчиком [159]. В трактовке французского философа Р. Эскарпи ирония является принципом художественного изображения, который может лежать в основе как комедии, так и трагедии [176]. П. Банж обращает внимание исследователей иронии на структурную связь иронии с романом [162]. С его точки зрения, ирония и полифонический роман представляют собой две формы "диалогизма", диалогического принципа обнаружения истины, который раскрывается М. М. Бахтиным на основе анализа творчества Ф. Достоевского [14]. Диалогический принцип берет истоки в карнавальном мироощущении.

В современной теории иронии наметилось еще одно направление, которое можно назвать прагматическим. Вслед за немецкими исследователями Ф. Эрихом и Г. Зайле французский филолог П. Банж определяет иронию как непрямой иллокутивный акт [162]. Ф. Реканати, поясняя смысл непрямого иллокутивного акта, пишет, что он совершается высказыванием, содержащим маркер, ассоциируемый не с данным иллокутивным актом, а с другим [222].

О необходимости включения иллокутивной составляющей в определение иронии пишут также К. Кербрат-Орекьони и Д. К. Мьюк [197, 213]. Смысл иронии как иллокутивного акта К. Кербрат-Орекьони видит в ее атакующем, агрессивном характере. Согласно А. Феррандоне такая иллокутивная интерпретация иронии свойственна большинству исследователей иронии [164]. Однако есть авторы, которые, не отрицая случаев агрессивной иронии, приводят многочисленные примеры доброжелательной иронии. А. Морье, придерживающийся, по замечанию Д. К. Мьюка, в основном классической точки зрения, относит к иронии также астеизм,

представляющий собой похвалу в форме порицания [212]. Н.К.Салихова под иронией понимает добродушно-насмешливый, доброжелательный оттенок смеха, противопоставляющий иронию сатире [116]. С.С.Смоленская понимает под иронией нечто среднее между кмором и сатирой [44, 120].

В иллокутивном описании иронии А.Беррандоне отмечает ее защитную функцию [164]*. Так, по его мнению, иронист не ограничивается употреблением положительных аксеологических терминов, он может широко пользоваться и отрицательными.

Отсутствие единства мнений в вопросе об иллокутивной характеристике иронии свидетельствует, как представляется, скорее в пользу ее иллокутивной полифункциональности. При этом агрессивность и доброжелательность можно рассматривать как две крайние функции иронии.

Анализ литературы по проблеме иронии показывает, что иллокутивная характеристика иронии не может даваться в отрыве от ее семантического механизма. Большинство исследователей иронии объясняет семантический механизм иронии с помощью понятия противоречия, так как идея противоположных смыслов, лежащая в основе антифразы, не позволяет отразить иллокутивное разнообразие иронии. Голландский историк и философ Ж.-Г.Воссиус считал, что противоположный и противоречивый — это не одно и то же [236]. Ученый настаивал на включении в определение иронии понятия противоречия. Однако, с точки зрения А.Беррандоне, это понятие не совсем точно отражает семантическую особенность иронии, так как бывает и неиронические противоречия [164]. Для отличия иронии от других видов противоречия автор предлагает использовать понятие парадокса**.

Хотя понятие противоречия, может быть, и не совсем точно отражает семантическую особенность иронии, оно является более подходящим, чем понятие парадокса, так как применимо в двух выделяемых исследователями разновидностях иронии: двусмысленной и однозначной.

* Согласно А.Беррандоне процесс коммуникации регламентируется системой правил или норм. При нарушении этих правил говорящий подвергается санкциям, относящимся к социальным явлениям. Ирония, которая представляет собой нарушение коммуникативных правил, способна избежать санкций в силу своей двусмысленности. По его мнению, ирония тем совершеннее, чем более она двусмысленна [164].

** Против понятия противоречия А.Беррандоне выдвигает ряд аргументов [164], в частности: противоречие смысла может быть и неироническим. Любая фигура, любой троп основываются на внутреннем противоречии. Метафора, например, также содержит противоречие. Кроме того, противоречие в иронии выражается по-разному, различен способ разрешения противоречия при декодировании иронического сообщения. Понятие противоречия, по мнению автора, только лишь классифицирует иронию как риторическое явление, но не раскрывает ее се-

Что касается парадокса, то он соответствует, на наш взгляд, только лишь двусмысленной иронии. Примером такой разновидности иронии может служить сцена с комедиантами и сцена убийства Гонзака в трагедии В. Шекспира "Тамлет" [161]. Читателю неизвестно, являются ли эти сцены драматическими или пародийными. Текст передает двусмысленное содержание.

С точки зрения одних исследователей, ирония всегда двусмысленна, и она тем более совершенна, чем более она двусмысленна [160, 164]. Двусмысленная ирония, по их мнению, не нуждается в сигналах^{жж}.

По мнению других ученых, существует одновременно две разновидности иронии — двусмысленная и однозначная. П. Банж считает, что и двусмысленная ирония нуждается в сигнале [162]. Он полагает, что в двусмысленной иронии, называемой им сократовской или тактической, предлагаемая автором сообщения модель мира находится под вопросом. Говорящий не хочет обнаруживать своего мнения о мире и стремится передать получателю иронического сообщения амбивалентное представление о нем. В то же самое время говорящий сигнализирует слушателю о своем дискурсивном поведении. "Притворяясь", он сообщает слушателю о том, что "притворяется". Такова роль сигнала в двусмысленном ироническом сообщении.

Анализ литературы, посвященной проблеме иронии и лингвистических средств ее выражения, позволяет сделать ряд выводов.

Ирония представляет собой сложное и многогранное явление. Можно говорить о том, что ирония — это экстралингвистическое явление, для выражения которого в тексте автор производит отбор соответствующих лингвистических средств. Для уяснения природы этого экстралингвистического явления необходимо обратиться к данным, полученным в результате изучения иронии в других гуманитарных областях и прежде всего в эстетике.

мантического механизма. Рассматривая иронию как аргументированный парадокс, А. Беррандоне опирается на положения, выдвигаемые О. Дюро: присущее фразе аргументативное значение состоит в том, что фраза должна склонить собеседника к тому или иному типу заключения [175].

А. Беррандоне выделяет два класса аргументов [164]. Каждое высказывание может относиться только к одному из классов аргументов. Ирония представляет собой нарушение этого закона, так как ироническое высказывание входит одновременно и в тот, и другой класс, что и создает восприятие противоречия.

^{жж} Исследователи иронии делают попытки составить списки подобных сигналов иронии [212]. К. Кербрат-Орекьони отмечает, что попутно возникает терминологическая проблема названия подобных фактов: сигналы, признаки, симптомы [198].

Сложность и многогранность иронии проистекают из того, что она может выражаться текстом в целом, выходя за рамки отдельных его сегментов. К лингвистическим средствам выражения иронии относятся не только полнозначные слова и сочетания слов, но и способы построения текста, его ритмическая организация.

В исследовании иронии необходимо учитывать прагматические факторы. Нельзя объяснить семантический механизм, лежащий в основе лингвистических средств выражения иронии, без обращения к фактам, определяющим иллокутивное значение этих средств. На основании сопоставления различных точек зрения мы пришли к выводу об иллокутивной полифункциональности иронии. Только в двух крайних случаях ирония проявляется как безобидная шутка и как резкая критика.

В изучении иронии полезным представляется сочетание текстового и прагматического подходов. Это, на наш взгляд, позволит решить вопрос о сигналах иронии, которые представляют собой маркеры иллокутивной силы, содержащейся в ироническом сообщении. Текстовой подход дает возможность отнести к иллокутивным маркерам не только полнозначные слова, т.е. номинативные или называющие знаки, но и неназывающие, дейктические знаки, которые, по замечанию ряда исследователей, осуществляют переход от языка к речи [139].

§ 2. Прагматическая характеристика иронического текста

Одна из главных и сложных проблем прагматики – выявление прагматических или иллокутивных значений. Так, Т.М.Николаева, считая возможным и необходимым выделение прагматических значений, отмечает трудность их обнаружения [98]. По мнению А.Беррандоне, перед исследователями стоит задача объединения различных прагматических описаний в единое связанное целое, в обобщающую теорию [164]. Т.М.Николаева отмечает, что пока отсутствуют методы обнаружения этих значений, их выявление обеспечивается глубоким знанием и чутьем того или иного языка и интуитивным в него проникновением. Как нам представляется, для выявления значения иллокутивного макроакта иронического текста необходимо комплексное теоретическое исследование иронии, с применением результатов исследования иронии в философии, эстетике и литературоведении.

В характеристике иллокутивного макроакта иронического текста представляется возможным использовать понятие игры. Прагматическая природа иронии определяется прагматическим значением самого понятия игры. Игра позволяет не только конкретизировать эстетическое

значение иронии, но и раскрыть ее гносеологические корни. "Игра" — это традиционный эстетический термин, который связан с актуальными направлениями эстетической науки: теорией эстетического восприятия, художественного творчества и воспитания [138]. Методологической основой исследования игры служит марксистское положение об определяющей роли труда в возникновении культурных ценностей, в частности высказывания К.Маркса о природе эстетической деятельности и игры, развитые и подробно обоснованные в работах Г.В.Плеханова [105-106].

По свидетельству Р.Буржуа, впервые сравнение иронии с игрой было сделано Ф.Шлегелем [166]. Р.Буржуа писал, что романтики хотят, чтобы события, люди, короче говоря, вся игра жизни была взята и представлена именно как игра. Игра — это средство защиты субъекта от внешнего мира, так как в игре можно найти забвение. Он отмечает также, что кроме персонажей произведения в игре принимает участие и сам автор, который не только играет в одну и ту же с персонажами игру, но и играет с самим собой. Игра пронизывает всю структуру иронического произведения. Ироническое произведение — это произведение, в котором утверждается сознание игры [166].

Обычно сравнение иронии с игрой проводилось в работах по романтической иронии, однако в современных работах по иронии понятие игры уже упоминается вне связи с романтической иронией. Так, Б.Алман употребляет выражение "зона иронической игры" [160]; Г.Альманси говорит об "игре литературы" применительно к ироническому произведению [161]; П.Хайду, характеризуя средневековый роман "Клижес" К.де Труа, пишет, что игра между реальностью и действительностью является основным материалом и структурой романа, составляя его тональную доминанту [189].

На родство иронии и игры, как вида деятельности, указывает также Н.Я.Берковский, который подчеркивает, насколько важно, "чтобы ирония воспринималась как процесс, как деятельность" [17, с.34].

В большинстве своем работы по игре касаются одной из сторон духовной жизни взрослого человека, а именно происхождения искусства. Для материалистического понимания искусства важность понятия игры является бесспорной [105 — 106]. А.В.Луначарский считал, что игра принадлежит к числу величайших на языке человеческого понятий и знаменует собой понятие необычайной широты [138].

Следует указать, что понятие игры ограничивается лишь областью искусства. Известный исследователь культуры И.Хейзинг подходил к игре как явлению, пронизывающему всю духовную сферу человека [191]. Ю.М.Лотман отмечает, что игра является одной из серьезных и органических потребностей человека. "Разные формы

игры сопровождают человека и человечество на всех стадиях их развития" [85, с.132].

А.Н.Леонтьев рассматривал игру как одну из форм проявления общественно-производственной деятельности людей наряду с учением, трудом, творчеством [80]. Г.В.Плеханов, полемизируя с Н.Г.Чернышевским, настаивал на том, что понятие игры не равнозначно пустой забаве, как это думал Н.Г.Чернышевский [106]. Г.В.Плеханов упоминает высказывание Вундта о том, что игра есть дитя труда: "И именно потому, что она есть дитя труда, она далеко не всегда является пустой забавой" [105, с.351].

В работах по игре это понятие трактуется как разновидность деятельности людей, которая может взаимодействовать с другими видами деятельности. В разрабатываемой советскими учеными теории деятельности указывается, что ни один вид человеческой деятельности не протекает в чистом виде. М.С.Каган подчеркивает, что в реальности некоторые первоэлементы, из которых состоит человеческая деятельность, выступают в разнообразных формах сцепления, скрещения и взаимодействия подобно химическим элементам, которые красуются в своей чистоте и взаимной обособленности только в таблице Менделеева [57]. Он также указывает, что совершенно необходимо для любого вида деятельности содействие других ее видов, даже если данный вид реализуется более или менее самостоятельно. Так, в работах по игре отмечается связь игровой деятельности с познавательной и эстетической. При этом игра выступает средством для достижения цели, преследуемой в том виде деятельности, с которым она взаимодействует.

Описывая взаимодействие игровой и познавательной деятельности, Ю.М.Лотман отмечает, что игра является одним из важнейших средств овладения жизненными ситуациями, обучения типам поведения, так как позволяет моделировать ситуации, включение в которые неподготовленного индивида грозило бы ему гибелью [85, с.133]. О связи познавательной и игровой деятельности писал также А.Н.Леонтьев, анализируя игровое поведение дошкольника [80]. По его мнению, игра для дошкольника является средством овладения предметным миром взрослых.

Что касается связи игровой и эстетической деятельности, то, по мнению В.В.Ваусека, игра в искусстве есть средство воспитания эмоциональных склонностей человека [140]. Кроме того, связь искусства с игрой есть связь генетическая. Родство искусства и игры обнаруживается при анализе восприятия в игровом и художественном поведении. "Восприятие (и создание) произведения искусства требует особого - художественного - поведения, которое имеет ряд черт общности с игровым" [85, с.138].

Общей чертой игрового и эстетического поведения является, по мнению многих ученых, двойственная природа как художественного, так и игрового поведения. В восприятии зрителя одновременно присутствуют верная и иллюзорная апперцепции [140]. Так, зритель знает, что все происходящее на сцене является вымыслом. Однако это не мешает ему относиться к тому, что он наблюдает на сцене, как к реальности. Ю.М.Лотман приводит слова А.С.Пушкина, которые поясняют данное явление: "... Над вымыслом слезами обольюсь" [85, с.139]. В сознании зрителя объективно верное восприятие является очень прочным, но передний край сознания занимает иллюзорная апперцепция [140].

Такая же двойственность восприятия отмечается и в игровом поведении ребенка. В игре кукла спит, стул не является стулом, а автомобилем, палка - не куском дерева, а шпагой [190]. Тем не менее ребенок ясно осознает, что палка - это палка, а не лошадка, стул - это стул, а не автомобиль [80].

Взаимодействие речевой и игровой деятельности может рассматриваться как взаимодействие искусства и игры, так как искусство слова является одним из видов эстетической деятельности. По мнению Ю.М.Лотмана, двойственность восприятия, характеризующая как игровую, так и эстетическую деятельность, становится основой семантической организации художественного текста [85]. Выдвигаемый им игровой принцип семантической организации текста заключается в многозначности, и все значения не отменяют друг друга, а присутствуют одновременно. При этом они не неподвижно сосуществуют, а мерцают. Таким образом, взаимодействие эстетической и игровой деятельности применительно к художественной литературе проявляется в том, что игра выступает способом номинации в художественном тексте.

Рассматривая соотношенность иронического текста со всеми художественными текстами, необходимо прежде всего обратить внимание на замечание голландского ученого И.Хейзинга о том, что игра противостоит понятию "серьезного" [191]. По его мнению, игра, хотя и с некоторыми оговорками, является эквивалентом "несерьезного". С нашей точки зрения, оппозиция "серьезный/несерьезный" тождественна оппозиции "реальный/вымышленный". Иронический текст, как и любой художественный текст, представляет собой описание вымышленных событий, хотя в основе их могут находиться реальные, имевшие место в действительности события. Интересно в этой связи упомянуть высказывания М.М.Бахтина об особенностях серьезно-смеховой литературы [14]. В качестве одной из таких особенностей М.М.Бахтин отмечал самую смелую и необузданную фантастику. Характерной особенностью игровой деятельности является то, что играющий может выполнять с предметом игры действия, совершенно непохожие на обычное употребление предмета [190].

Определяя специфику иронических текстов по отношению к художественным, следует обратиться к понятию комического. И.Хёйзинг отмечает родство таких терминов, как игра, смех, шутка, комическое [191]. С нашей точки зрения, комическое является одним из проявлений игры*. Комическое в ироническом тексте предстает как комическое, созданное воображением автора, его интерпретацией событий как полностью вымышленных, так и имевших место в действительности [20].

Тождественность иронии и комического, как мы полагаем, подтверждает тот факт, что в их основе лежит один и тот же механизм "искажения". Ф.С.Лимантов, ссылаясь на Аристотеля и Дарвина, подчеркивает давность традиции трактовки комического как искажения [82]. Сущность комического эффекта, создаваемого средствами языка, состоит в намеренном нарушении принятого способа выражения, в создании противоречия между общепринятой системой выражения и данной ("речевым приемом") [51, с.218].

Игровая функция языка формировалась вместе с развитием игровой деятельности людей. "Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т.п.", — писал М.М.Бахтин [15, с.20].

Полифункциональность иронии заложена в самом понятии игры. Отмечая интенциональность игры, И.Хёйзинг пишет, что игра есть функция, богатая смыслом [191].

Велика роль иронии в общении, где она преследует самые разнообразные цели. Глава из книги А.Н.Лука посвящена роли чувства юмора в общении [87]. Например, чтобы не оказаться в унижительном положении в случае отказа, говорящий выражает просьбу в шутливой форме. Иногда шутка используется для зондирования позиций сторон. Как следует из изложения автора, юмор может выполнять фатическую функцию — ему, например, принадлежит огромная роль в поддержании устойчивого настроения в коллективе. Благотворная роль чувства юмора проявляется в конфликтных ситуациях, когда вовремя сказанное слово разряжает атмосферу.

* О родстве карнавала и игры писал М.М.Бахтин [15]. Однако в эпоху Средневековья карнавал и жизнь были неотделимы. Обрядово-зрелищные формы создавали для человека по другую сторону официальной жизни второй мир и "вторую жизнь". "В сущности, это — сама жизнь, но оформленная особым игровым образом" [15, с.10]. Как подтверждение нашей точки зрения можно рассматривать отождествление языковой игры и комического, проводимое Е.А.Земской, М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой [50]. Однако можно возражать против полной идентификации языковой игры и комического, так как игра характеризует любой художественный текст.

Наиболее часто ирония употребляется для выражения насмешки, т.е. для выражения отрицательной оценки с помощью осмеяния. На этой функции иронии основывается сатирический жанр литературы. Ирония в сатире является оружием разоблачения. Одним из самых распространенных сатирических приемов считается иллюзия [91].

Иногда игра иронии не преследует никакой цели. В этом случае игра является и средством и целью. Поскольку специфика игры в иронических текстах проявляется через комическое, можно сказать, что целью иронии является создание комического эффекта. Говорящий испытывает потребность не только сообщить что-то, не только использовать язык в утилитарных целях, но и испытать самому и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи" [50, с.173]*. Установка только на один комический эффект характеризует имористическую разновидность иронических текстов^{***}.

За исключением имористических текстов, в любом ироническом произведении установка на игру^{***}, т.е. на создание комического эффекта, является средством достижения другой, вторичной установки.

Таким образом, иронический текст в целом характеризует следующая система иллюкутивных значений: игра, комический эффект, имор, сатира. Другими словами, перечисленные понятия составляют содержание иллюкутивного макроакта иронического текста. Каждое из этих значений обуславливает ту или иную специфическую особенность иронического текста. Игра определяет эстетическое, художественное значение иронического текста, она противопоставляет иронический текст нехудожественным текстам, например научным. Игра в ироническом тексте направлена на создание комического эффекта, что выделяет иронические тексты на фоне художественных текстов. Сатирическое и имористическое иллюкутивные значения выделяют две разновидности иронических текстов.

* В.Я. Пропп отмечает, что встречаются каламбуры, не имеющие критической направленности: "Во всех подобных случаях каламбур не преследует цели вскрыть какие-нибудь недостатки. Он применяется как безобидная шутка" [113, с.97].

^{***} Описанные функции иронии относятся к тем случаям, когда ирония пронизывает весь текст в целом. Ирония может встречаться в тексте фрагментарно. Одна из основных функций иронии в романе В.Гюго "Отверженные" состоит в подчеркивании вымышленного характера произведения, его "литературности", т.е. в подчеркивании игры [225].

^{***} Трактовку игры как установки встречаем у Е.А. Земской [50].

§ 3. Игра как основной семантико-прагматический принцип организации иронического текста

Приведенная в предыдущем параграфе модель иллюкутивного макроакта наглядно показывает, что игра является основным текстообразующим фактором во всех видах художественных текстов, в том числе и в иронических. Для дальнейшего развития идеи Ю.М.Лотмана об игре как принципе семантической организации текста важное значение имеют выдвинутые А.Н.Леонтьевым понятия "значение предмета игры", "игровой смысл" и "расхождения игрового смысла со значением предмета игры" [80]*.

Представляется, что положение А.Н.Леонтьева о том, что в игре происходит расхождение игрового смысла со значением предмета игры, применимо к характеристике процесса номинации в художественном тексте вообще и в ироническом в частности. Гносеологический аспект номинации заключается в степени точности отражения действительности в языке. В соответствии с действием универсального закона номинации в сигнификате слова адекватно отражаются объективные качества и свойства денотатов [68, с.115]. Однако, как свидетельствуют исследователи языка художественной литературы, искусство слова строится на неточностях номинации, которые принимают форму сдвигов в значении слова [23]. В теории номинации отмеченная неточность получила название непрямой и косвенной номинации [68].

Номинативную неточность в художественном произведении можно рассматривать как семантико-прагматическое выражение игрового принципа его организации. Игровой принцип семантико-прагматического строения художественных текстов проявляется в нарушении универсального закона номинации.

Как известно, некоторые типы игры основываются на нарушении правил, норм, общепринятого. Так, карнавальному мироощущению свойственны своеобразная логика "обратности", мир "à l'envers", "наоборот", "наизнанку" [15]. Вообще игра рождается из инстинктивного

* Значение предмета игры, согласно А.Н.Леонтьеву, состоит в том, что палочка, в которую ребенок играет как в лошадку, остается для него палочкой, так как ребенку известны свойства этого предмета, способ его употребления и возможные действия с ним. Тем не менее в игре палочка, сохраняя свое значение палочки, приобретает особый смысл — становится лошадкой. Это — игровой смысл. В процессе игры происходит расхождение значения предмета игры (или, по другой терминологии, реальной апперцепции) и игрового смысла (ирреальной апперцепции) [80].

желания движения, шума, которое легко переходит в желание разбить, разрушить, сломать [169]. Швейцарский психолог Ж.Пьяже выделял так называемые *jeux d'exercices*, которые проявляют эту разрушительную потребность и достигают апогея у двухлетнего ребенка, но также свойственны всему периоду жизни человека [190].

Можно предположить, что игровой принцип семантико-прагматической организации текста имеет два проявления: первый основывается на не прямой и косвенной номинации, а второй — на многозначности*. Оба типа представляют собой нарушение закона универсальной номинации. Ю.М.Лотман называет многозначность механизмом игрового эффекта [85]. Вспомним в этой связи амбивалентность, которую М.М.Бахтин выделяет в качестве одной из особенностей карнавального мироощущения: "все образы карнавала двуедины, они объединяют в себе оба полюса смены и кризиса: рождение и смерть (образ беременной смерти), благословение и проклятие (благословляющие карнавальные проклятия с одновременным пожеланием смерти и возрождения), хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, лицо и зад, глупость и мудрость" [14, с.168].

В ироническом тексте игровой принцип семантико-прагматической организации текста имеет свои особенности, но основное свойство, заключающееся в нарушении универсального закона номинации, сохраняется. Так, в мениппее, одном из жанров серьезно-смеховой литературы, широко применяются всяческие нарушения общепринятого, установленных норм поведения и этикета [14]. Особенностью механизма игрового эффекта в ироническом тексте является то, что нарушение закона универсальной номинации связано с выражением противоречия. Неточность номинации в ироническом тексте принимает форму противоречия игрового смысла и значения предмета игры, а иногда и прямой их противоположности. Игровое противоречие может доходить до абсурда**. Бессмыслица рассматривается Э.Фрейдом как один из приемов остроумия [143]. Следует отметить, что идея абсурда кладется Р.Эскарпи в основу определения иронии вообще [176]. Принцип противоречия можно обнаружить как в однозначной, так и двусмысленной иронии. В однозначной иронии это противоречие между тем, что выражено буквально лексикой и грамматикой, и намерением говорящего, в двусмысленной, или многозначной, — между различными значениями.

* Хотя Г.В. Колшанский отмечает, что предпосылкой для выполнения языком его гносеологической роли является осуществление коммуникации на базе определенности и однозначности всех элементов языка-казывания, он тем не менее допускает возможность двусмысленности и многозначности в определенных условиях [67].

** Д.С.Лихачев отмечает, что "отсутствие смысла" есть в какой-то мере смысловое явление [83, с.10].

Игровое противоречие обнаруживается в ходе анализа различных способов выражения иронии. Оно особенно заметно в пародировании, которое состоит в "имитации внешних признаков любого жизненного явления (манер человека, приемов искусства и пр.), чем совершенно затмевается или отрицается внутренний смысл того, что подвергается пародированию" [113, с.63]. В теории игры имитация рассматривается как одно из правил игры. Однако имитация в игре имеет свои особенности. В игре имитатор, копируя черты модели, выделяет, деформирует их, иначе игры не будет [190]. Ж.Анрио добавляет, что человек, копируя черты другого человека, старается как можно совершеннее воспроизвести интонацию его голоса, но при этом интонация сочетается со словами, смысл которых не вписывается в обычный контекст. Он может, например, имитировать жесты другого человека, но старается воспроизвести их в другой ситуации. Имитация в пародировании, можно сказать, дополняется преувеличением, искажением, приводящими к созданию игрового противоречия [190].

О тождественности иронии и игры свидетельствует известное сравнение иронии с ложью. Это сравнение является столь же старым, как и сама ирония [103]. Ложь иронии — это не что иное, как нарушение универсального закона номинации. "Ирония подчеркивает, акцентирует, намекает на несуществующее качество человека, явления, делаая вид, что это едва ли не преобладающее у него качество", — пишет И.Паси [103, с.103].

В литературе по игре часто фигурирует слово "маска", являющееся синонимом лжи и лицемерия иронии. Под этим словом подразумевается также литературный прием*. Следует, однако, помнить, что ложь, маска, лицемерие иронии носят лишь формальный характер, так как ирония не скрывает истину, а выражает ее особым иносказательным образом. Поведение читающего или слушающего подобно поведению играющего в кроссворд или разгадывающего загадку.

Отмеченное игровое противоречие выражается в структуре иронических текстов с помощью различных средств, которые в лингвистической литературе известны как сигналы иронии. Не следует забывать, что сигналы иронии выступают также иллюкутивными маркерами иронического текста**. К лингвистическим средствам выражения иллюкутивного акта во французском языке, так же как и в английском, можно отнести: порядок слов, логическое ударение, интонацию, пунктуацию, на-

* Прием маски является, например, основным приемом Н.Гоголя в жизнеописании людей [137].

** По мнению А.Беррандоне, который отождествляет иллюкутивный акт и *vous-entendu*, не существует эксплицитных маркеров иллюкутивной интерпретации. Есть признак или указатель в самой ситуации

лонение глагола и т.д. [234]. Подход к изучению иронии с позиции текста в целом позволяет учесть весь комплекс лингвистических средств. По мнению К.Кербрат-Орекьони, иллокутивный маркер есть результат совместной деятельности лексических, синтаксических и интонационных факторов [196].

Иллокутивный макроакт может выражаться различным сочетанием и взаимодействием всех средств текста. П.Цмтор приводит в качестве примера случаи, когда ирония выражается несоответствием тем литературного произведения [238]. Под темой он понимает центр интереса в литературном произведении, который может быть выражен такими понятиями, как "женщина", "бог", "война", "природа" и т.д.

Игровое противоречие может создаваться за счет несоответствия интонации лексическим средствам [176, 198, 212, 216]. Сигналом иронии может быть краткость того или иного сегмента текста [238]. Пример с фразой "And Brutus is an honourable man" свидетельствует о роли ритма в выражении иллокутивного макроакта иронического текста.

Игровой принцип семантико-прагматической организации художественного текста имеет большое фасцинативное значение^{ЖК}. Неточности и сдвиги в семантическом значении обладают большой воздействующей силой на читателя или слушателя. Р.А.Будагов напоминает о широкоизвестном высказывании А.Чехова о том, что "при непрямо́й передаче каких-либо признаков предмета эти признаки обращают на себя большее внимание, чем при прямом их выражении" [23]. Большая воздействующая сила признается за сатирой, богатой аллюзиями и подтекстом. По словам А.Герцена, "недомолвка сильнее под своим покровом, всегда прозрачным для того, кто хочет понимать. Сжатая речь богата смыслом, она острее, говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил сам читатель, — лучший способ убеждать. Скрытая мысль увеличивает силу речи, обнаженная сдерживает воображение" [Цит. по: 156, с.362]. С точки зрения теории информации большое воздействующее значение сатиры объясняется тем, что искажение, лежащее в основе комического, действует не в направлении уменьшения количества семантически значимой информации, а, наоборот, в направлении ее резкого увеличения [82].

высказывания, который и является источником иллокутивной интерпретации. Заключение об иллокутивном характере делается на основании догадки, вычисления, а также на основе различных правил или законов речи [164].

^{ЖК} Термин "фасцинация" применяется в теории сигнализации, где фасцинация рассматривается как свойство физического сигнала, увеличивающего количество семантически значимой информации [29, 60].

Описанный нами игровой принцип семантико-прагматической организации иронического текста позволяет конкретизировать гносеологическое, эстетическое и фасцинативное значения иронии. Гносеологическое значение механизма игрового эффекта состоит в том, что нарушение универсального закона номинации, проявляющееся в художественных текстах, в ироническом тексте имеет форму противоречия, достигающего в иных случаях до абсурда и бессмыслицы. Игра как принцип семантико-прагматической организации текста позволяет соотносить иронический текст с категорией художественных текстов вообще. Необходимо помнить, что "игровая функция языка - это один из частных видов поэтической функции" [50, с.173]. Фасцинативное значение игры заключается в большой воздействующей силе иронического текста на мысли и чувства читающего или слушающего.

Игра пронизывает весь лингвистический материал, из которого строится иронический текст. К средствам создания игрового противоречия относятся не только выделяемые исследователями различные традиционные способы выражения иронии, но и так называемые дейктические средства (неназываемые знаки).

§ 4. Проблема соотношения интонации, семантики и прагматики

Соотношение интонации и семантики является основным вопросом в исследовании интонации. М.Леон, например, отмечает важность просодической семантики для целей обучения [202]. Кроме того, как пишет И.Г.Торсуева, "проблема содержательной интерпретации фактов интонации является проблемой номер один для дальнейших интонационных исследований. Это осознается многими лингвистами. Д.Кристалл, например, считает, что семантический анализ интонации должен быть главной целью лингвиста" [132, с.55-56].

В недалеком прошлом проблема семантической интерпретации интонации решалась указанием на ряд семантических функций интонации. Так, согласно Ж.Фору и А.Риго, интонация выполняет дистинктивную функцию, значение которой состоит в выражении коммуникативного типа высказывания [177-178, 226]. По терминологии П.Леона, данная функция носит название сигнификативной [205].

Выделительная функция интонации, по мнению Ж.Фора, состоит в обозначении центра внимания фразы [178]. Впоследствии автор выделяет еще одну функцию - предикативную, значение которой состоит в наполнении конкретным содержанием фразы типа: "Reavez-vous conscience?", "Lui faire des excuses?" [179]. Кульминативная функция интонации, по определению П.Леона и А.Риго, служит для выделения важных сегментов

речевой цепи [205, 226]. Фоностилистическая функция интонации в трактовке П.Леона состоит в выражении разнообразных оттенков эмоций, настроений говорящего [203, 205-206]. Под семантической функцией интонации Ф.Мартен понимает выражение различных смысловых "добавлений" к содержанию фразы, которые бывают трех видов: подчеркивание, импликация и метафора [209].

В последнее время подход к определению семантической функции интонации существенно изменился как в советской, так и в зарубежной лингвистике. В советском языкознании наметилась тенденция определения функций интонации на основе анализа речевых единиц: сначала высказывания, а затем и текста [52, 74, 89, 93, 96, 109, III, II7, 126, 131 - 133]. Исследователи отдают большее предпочтение анализу интонации в структуре текста, так как рассмотрение изолированных фраз искажает картину интонационных фактов [132]. В текстовом подходе к анализу интонации можно выделить ряд направлений. Одни ученые осуществляют поиск функций интонации на основе выявления просодических средств выражения семантических категорий текста [89, 133]. При этом за основу берется определение семантических категорий текста И.Р.Гальперина [36, 38]. Другие стремятся выявить интонационные особенности текстов различной жанровой принадлежности. [74, II7].

Развитие лингвистики текста позволяет также вести поиск семантических функций интонации на основе анализа соотношения интонации и семантики слова [131]. Поскольку текст является системным образованием [89], поиск семантических функций интонации ведется с различных позиций. Интонация текста может выражать соотношенность текста как системного явления с другими внетекстовыми системами. Интонация характеризует внутритекстовые отношения, т.е. отношения между различными иерархическими единицами текста, например синтагмами и высказываниями. Интонация может выражать соотношенность текста с языковой системой. И.Г.Торсуева полагает, что в анализе функций интонации в структуре текста важно показать, каково место функции в структуре текста и в системе языка [131]. Возможен такой случай, когда в тексте функция занимает доминирующее положение, а в структуре языка маргинальное.

Зарубежные исследователи высказывают мнение о необходимости в анализе интонации учитывать факторы акта коммуникации [204, 217, 227]. П.Леон отмечает попытки исследователей интонации включить положения теории énonciation в практику обучения языку и интонации [204].

Подход к фактам интонации сквозь призму акта коммуникации способствовал выделению функции интонации, которая называется во фран-

цузских трудах по интонации énonciative [211]. Так, согласно мнению М. Мартен-Балтара, интонация отражает процесс порождения текста: "Функция интонации состоит не только в том, чтобы актуализировать синтаксис или сегменты текста, но также и в том, чтобы реализовать процесс высказывания" [211, с.26].

О принадлежности интонации к акту коммуникации пишет и А. Беррандоне. По его мнению, интонация не является собственностью высказывания как единицы коммуникации (énoncé), она характеризует процесс высказывания (énonciation). Интонацию следует рассматривать как симптом, с помощью которого выражается определенная информация об отношении говорящего к пропозициональному содержанию высказывания. В данном случае речь идет, как полагает А. Беррандоне, о металингвистических суждениях говорящего по поводу содержания высказывания [164].

В работах по прагматике указывается на иллокутивную функцию интонации, так как интонация является маркером иллокутивного акта. По мнению Н.И. Жинкина, прагматическая функция интонации присуща ей по природе: "В просодии, как видно, выражено коммуникативное действие, поступок человека, имеющий смысл" [49, с.60]. Во введении к прагматике Ф. Реканати указывается, что интонационная модель отражает характер совершаемого акта [221]. К. Кербрат-Орекьони высказывает мысль о том, что иллокуционный маркер есть результат сложного взаимодействия лексики, синтаксиса и интонации [196]. И.Р. Гальперин полагает, что "интонация, мимика, жест, самый тип общения (диалог) выявляют намерения говорящего с достаточной очевидностью, в то время как в письменной речи, в особенности в определенных типах текста это намерение еще нужно распознать, прилагая некоторые усилия и привлекая накопленный опыт анализа разных типов текста" [38].

В структуре текста факты интонации отражают смену иллокутивных микроактов, последовательность которых составляет иллокутивный макроакт. Таким образом, интонационная структура текста представляет собой систему иллокутивных функций интонации. Эта система складывается под взаимодействием той системы отношений, которая характеризует каждый текст как системное образование. Это экстратекстовые, интертекстовые и внутритекстовые отношения*. Как уже было от-

* Экстратекстовые отношения связывают текст как системное явление с другими внелитературными системами [137]. Отношения, определяющие связь текста с подобными ему произведениями, называются интертекстовыми [137, 194]. Как отмечают исследователи, отдельного литературного произведения не существует. Каждое произведение входит в систему литературы. Помимо перечисленных отношений каждый текст характеризуют внутритекстовые отношения. "Специфику каждого произведения составляют особые отношения внутри художественной структуры, определяющие функцию всего текста, рождающиеся из этих внутренних функциональных отношений и из отношения произведения в целом к внетекстовым факторам" [144, с.220].

мечено, это система взаимодействующих, а не изолированных отношений, так как существует такой фактор, который определяет особенности всех трех типов отношений. Применительно к художественным текстам таким фактором является игра. В иронических текстах игра реализуется в форме комического. Таким образом, по отношению ко всем художественным текстам можно говорить об игровой функции интонации, а по отношению к ироническим текстам — о функции создания комического эффекта. В литературе по проблемам комического отмечается существенная роль интонации в создании комического эффекта. "Существенной функцией речевых интонаций в фельетоне в отличие от других публицистических жанров является их участие в создании комического эффекта. Они могут обыгрываться в тексте, представляя средство маскировки истинного отношения фельетониста к изображаемому" [40, с.82]. Интересно в этой связи привести в качестве примера упоминаемый в книге А.Н.Лука рассказ М.Твена о том, как он выступал с чтением своих рассказов, путешествуя по Европе: "Один и тот же рассказ иногда вызывал гомерический хохот, изредка — недружный смех, а иной раз не удавалось даже вызвать подобия улыбки. Все зависело от продолжительности паузы перед последней фразой. Если Марк Твен угадывал паузу точно, все оглушительно смеялись. Если чуть-чуть не поддерживал, смех был не столь дружным. А если пауза оказывалась слишком длинной — никто не смеялся" [87, с.45].

Можно предположить, что в исследовании интонационной функции создания комического эффекта важно показать место интонации среди других средств языка, разграничить случаи, когда интонация выступает главным средством создания комического эффекта и когда она дублирует роль других средств. Считается, что иронический текст является дважды кодированным [216]. Чтобы понять его, отмечает Д.Ногес, читающий или слушающий опирается на систему факторов, помогающих ему декодировать сообщение [216]. К.Кербрат-Орекьони указывает, что в определении общего смысла высказывания принимают участие следующие факторы:

система вербального и паравербального материала высказывания, т.е., по существу, это весь материал — лексический, синтаксический, просодический и мимико-жестикulatoryный;

некоторые элементы ситуации высказывания;

лингвистическая и паралингвистическая компетенция собеседников, представляющая собой систему знаний, верований, представлений и оценок референционного мира [196].

Однако, по мнению ученого, во время операции декодирования принимает участие только часть из них.

Для выделения прагматической функции интонации недостаточно указаний на роль интонации в создании комического эффекта. Важно показать значение интонации в смысловой структуре текста. К прагматике относится изучение действия лингвистических средств в ходе процесса манифестации иллокутивного макроакта в последовательность иллокутивных микроактов*. Иллокутивные микроакты в структуре текста воплощаются в последовательности текстовых единиц. Какие единицы заключают в себе иллокутивные микроакты — это вопрос, решаемый, вероятно, конкретно для каждого типа текстов.

Интеграция единиц текста, содержащих иллокутивные микроакты, приводит к образованию смысла текста и осуществляется с помощью интонации. Таким образом, в содержание понятия "прагматическая функция интонации" входит также действие интонации по осуществлению интеграции смысла текста с помощью единиц текста.

Дискретность текста, выражаемая различными акустическими средствами, может рассматриваться как одно из средств интонационной интеграции. Чтобы осуществилась интеграция лексических значений, приводящая к смыслу текста, необходимо, чтобы были помечены, как указывает Н.И.Жинкин, границы компонентов структуры текста [49]. Сформулированная им задача "найти специальные разграничительные признаки, ограничивающие в интегральной совокупности соответствующие подструктуры", может расцениваться как одна из задач исследователей прагматической функции интонации.

В устной разновидности текста более, чем в письменной, проявляется динамический характер текста. И.Р.Гальперин полагает, что поскольку устная разновидность текста есть движение, процесс, то дискретность проявляется в нем лишь в фиксированном виде [38, с.19].

Утверждению И.Р.Гальперина противостоит высказывание О.А.Лаптевой о том, что дискретность необходима для обеспечения временной протяженности устного текста. Она справедливо отмечает: "Любая длительно существующая устная речь монологического характера (если только это не воспроизведение письменного текста) уже в силу своей временной протяженности должна члениться и члениться на некоторые физически удобные для произнесения группы самого различного строения. Она разворачивается во времени именно этими группами, которые обычно определяются паузами (а также перепадом тона)" [77, с.79].

* В соответствии с теорией порождения текста Н.И.Жинкина смысл текста сначала представлен как замысел текста. "Партнер на приеме улавливает замысел говорящего и в семантически сжатом виде держит его в памяти, с тем чтобы следить за развитием мысли говорящего" [49, с.87].

Следует отметить, что на сегментирующую функцию интонации исследователи обратили внимание уже давно. Однако до недавнего времени эта функция противопоставлялась семантическим функциям интонации. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на списки функций интонации у перечисленных выше исследователей. Так, делимитативная функция у Ф.Мартена, относимая к категории синтаксических функций, состоит в том, чтобы помечать границы синтаксических групп [209]. На семантическую роль членения обращалось внимание только в случаях двоякой интерпретации. Например, П.Леон в содержание демаркативной функции, которая, по существу, является у него семантической функцией, вкладывает действие интонации по снятию возможной двоякой интерпретации: *Je travaillerai tant/que le succès me sera assuré; Je travaillerai/tant que le succès me sera assuré* [205].

Сегментирующая функция интонации приобретает семантическое значение, когда она трактуется как средство выражения актуального членения. Так, М.Мартен-Балтар относит к сегментирующей функции интонации случаи, когда интонация наравне с другими средствами языка является маркером актуального членения, а также случаи, когда интонация является единственным средством выражения актуального членения [211].

В монографии "L'intonation de l'acoustique à la sémantique" соотношение синтаксиса и интонации рассматривается сквозь призму семантики [227]. По мнению М.Росси, интонация является носителем семантической информации не только на экспрессивном и синтаксическом уровнях, но и на уровне, называемом им *énonciatif* [227].

Анализ сегментирующей функции интонации под углом зрения текста в целом показывает, что членение текста на составляющие единицы зависит от прагматической направленности всего текста, т.е. определяется иллокутивным макроактом. Так, И.Р.Гальпёрин отмечает, что автор текста находит нужную форму членения, подчиняясь общим прагматическим закономерностям [38].

От содержания иллокутивного макроакта зависит длина составляющих текст единиц. Так, длина предложения связана с общими тематическими, композиционными и стилистическими особенностями художественного произведения [76]. Считается, что основным требованием к языку сатиры и юмора является лаконичность. О лаконичности остроумных реплик пишет Э.Фрейд [143], а также Жан Поль, исследовавший немецкое понятие "witz", которое переводится на русский язык то как "юмор", то как "остроумие" [193].

В.Я.Пропп пишет, что одна из наиболее распространенных ошибок, совершаемых авторами юморесок, состоит в том, что их произведения слишком длинны [113]. Исследователи творчества Вольтера обратили вни

мнение на короткий характер его фразы. Развитие мыслей и действий в философских повестях Вольтера выражается чередованием коротких фраз, состоящих из наиболее простых грамматических элементов. Например, когда Вольтер хочет выразить последовательность событий или создать более подробный портрет, он разбивает длинную фразу на последовательность независимых предложений [237].

Б.В.Томашевский, писавший об аффективном размере в стихе, указывал на то, что бывают размеры, пригодные для передачи эмоций ограниченной области [129]. По его свидетельству, В.Маяковский отмечал, что короткая строка производит впечатление фамильярной и комической речи, а длинная — серьезной.

Вопрос о размере составляющих текст единиц, зависимом от общей прагматической направленности текста (содержания иллокутивного макроакта), связан с проблемой состава иерархических единиц текста, которая решается конкретно для каждого типа текста. В связи с развитием лингвистики текста такие традиционные лингвистические единицы, как синтагма и высказывание, стали рассматриваться как единицы текста [96, 132]. Так, И.Г.Торсуева отмечает, что в теории текста высказывание представляет собой часть текста и в рамках этого подхода нерешенным является вопрос о смысловой целостности высказывания и его границах [132].

Составляющими высказывание единицами являются синтагмы. Вслед за Л.В.Щербой и С.И.Карцевским синтагму как часть фразы или высказывания трактует большинство советских исследователей интонации [53, 96, 118]. Представляется, что в определении синтагмы Л.В.Щербы — "это фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их" [154, с.86] — подчеркивается прагматический характер синтагмы. Подвижности длины синтагмы, которая может включать различное количество ритмических групп, объясняется тем, что синтагма своей длиной реагирует на прагматическую направленность текста.

Для смысла всего текста в целом важны как отношения между синтагмами [96], так и отношения между высказываниями. Объединение синтагм в высказывания, а высказываний в текст в устной речи осуществляется преимущественно интонационными средствами. Можно утверждать, что характер членения текста на синтагмы и высказывания отражает характер отношений синтагм в высказывании и высказываний в тексте, а также отношений синтагм и высказываний, подчеркивая их функциональную значимость для общей прагматической направленности текста. Кроме того, общая прагматическая направленность текста выражается в степени четкости границ синтагм и высказываний. По мне-

нию И.Г.Торсуевой, вопрос о границах высказываний не может быть решен однозначно для всех типов текстов [132]. Представляется, что четкость границ синтагм и высказываний в тексте связана с функциональной нагрузкой этих единиц в составе текста. Т.М.Николаева высказывает предположение, что для устной речи важное значение имеет не высказывание, а синтагма [96].

От членения текста на единицы, т.е. на синтагмы и высказывания, зависят особенности ритма текста. На членение как на главную особенность ритма обратила внимание О.С.Ахманова, которая определяет ритм как расчлененность речи, предопределяемую ее смыслом и синтаксическим строем [6]. Изучение ритма художественного произведения должно вестись в совокупности с изучением содержания, вида повествования и многих других факторов, определяющих специфику художественного произведения [153].

Исследователя интонации интересует не только особенность членения художественного текста на составляющие его единицы, но и просодические признаки членения, связанные с основными акустическими характеристиками интонации: частотой основного тона, амплитудой звукового давления и длительностью. Задача обнаружения просодических признаков членения — это задача нахождения дифференциальных и интегральных признаков границ единиц текста, синтагм и высказываний. Понятия дифференциальных и интегральных признаков широко используются в семантике. Применительно к интонации содержание понятий дифференциального и интегрального признака раскрывается в работах И.Г.Торсуевой [132, 134].

Пограничные сигналы синтагм и высказываний включают как дифференциальные, так и интегральные признаки. Интегральные признаки дискретизируют отношения между единицами одного уровня, например, или между синтагмами, или между высказываниями, в то время как дифференциальные признаки указывают на отношения между единицами разных уровней — между синтагмой и высказыванием.

В заключение следует отметить, что прагматическая функция интонации рассматривается нами как функция лингвистической системы, в которой она занимает одно из центральных мест. В различных типах текстов прагматическая функция реализуется по-разному. В художественных текстах она реализуется как игровая, а в исследуемых нами иронических текстах — как функция создания комического эффекта. Таким образом, значение прагматической функции в конкретном типе текста определяется содержанием иллокутивного макроакта.

Теоретический анализ литературы по данной проблеме позволяет говорить о том, что в содержание прагматической функции интонации

входит действие интонации по интеграции единиц текста во временном развертывании устной разновидности текста.

§ 5. Экспериментально-фонетическое исследование интонации иронического текста

Основная цель экспериментально-фонетического исследования состоит в том, чтобы на примере анализа интонации в структуре иронического текста показать соотношение смысла и интонации. Важными представляются следующие конкретные задачи: определение роли интонации в восприятии иронических текстов, выявление системы иллокутивных значений в структуре иронических текстов, установление особенностей членения иронических текстов на синтагмы и высказывания, определение степени четкости их границ и их функциональной нагрузки, обозначение просодических интегральных и дифференциальных признаков членения иронических текстов на синтагмы и высказывания.

Материалом исследования служили юмористические рассказы и скетчи современных французских авторов, сатирические заметки из газеты "Юманите", а также отрывки из философской повести Вольтера "Кандид".

Результаты теоретического анализа легли в основу гипотезы экспериментально-фонетического исследования, которую можно сформулировать следующим образом:

1) основным смыслообразующим фактором иронического текста является игра (создание комического эффекта), в соответствии с которым автор произведения производит отбор всех лингвистических средств. Между юмористическими и сатирическими текстами не существует различия в лингвистических и в том числе интонационных средствах;

2) главенствующая роль в создании комического эффекта принадлежит интонации;

3) одним из главных способов выражения прагматической функции интонации является интонационное членение на составляющие текст единицы - синтагмы и высказывания;

4) поскольку область комического связана с более дробным членением единиц текста (синтагмы и высказывания), в иронических текстах преобладают единицы короткого размера;

5) степень четкости границ между единицами текста - синтагмами и высказываниями - зависит от прагматической направленности иронического текста.

Выбор методики экспериментально-фонетического анализа обуславливается задачами и требованиями, стоящими перед современными инто-

национальными исследованиями. Исходя из того, что ирония оказывает влияние на организацию всего текста в целом, необходимо рассмотреть интонацию с позиции связанного текста. Как уже отмечалось, современным интонационным исследованиям свойственно обращение к функционированию интонации именно в структуре связанного текста.

Согласно точке зрения Ф.Данеша, анализ интонации может проводиться двумя методами: от лингвистических признаков к их функциям и наоборот — от функции к форме [171]. Однако Ф.Данеш не исключает возможности сочетания этих двух подходов. Нами использовались оба метода: от функции к форме (поиск интонационных особенностей, связанных с выражением функции создания комического эффекта) и от формы к функции (поиск функций интонации в структуре иронических текстов).

Исследование велось как на перцептивном, так и на акустическом уровне. В основу методов акустического анализа были положены высказывания ряда исследователей по поводу соотношения единиц интонации и единиц текста. Т.М.Николаева считает, что ключом к текстовой грамматике является представление о линейном соположении единиц текста [96]. Единицы интонации, с ее точки зрения, отражают линейную направленность текста, поэтому задачей данного раздела интонационного исследования является поиск отношений между синтагмами и просодическими средствами выражения этих отношений. Единицы интонации, интонымы, реализуются на синтагматической оси. Они соединяют две синтагмы [99].

Точка зрения Т.М.Николаевой подтверждается результатами более поздних исследований, проведенных авторами коллективной монографии "L'intonation de l'acoustique à la sémantique" [227]. Интоныма трактуется ими как совокупность просодических черт в ключевых точках, а именно: в начальном, предупредительном и конечном слогах фразы или составляющих ее единиц, т.е. на границе линейных единиц текста. Идея о линейном расположении единиц текста и единиц интонации имеет чрезвычайно важное значение как для выбора акустических параметров исследования, так и для выбора участков анализа этих параметров.

При анализе акустических данных Т.М.Николаева считает существенным исследование оппозиций отдельных параметров [99]. Ее взгляд разделяет ряд зарубежных авторов. Так, по мнению Ф.Мартена, просодическими маркерами линейно расположенных единиц являются не интонационные контуры этих единиц, а бинарные просодические черты, расположенные на ударных слогах этих единиц [209]. В более поздней работе Ф.Мартен указывает, что маркеры интонационной синтагмы находятся в крайних позициях на синтагмах, а именно, на первом или последнем слоге синтагмы [210]. Ж.Перро и М.Лузун указывают на боль-

шое значение в интонационном структурировании высказывания контраста слога с окружающими его слогами [217].

Во французском языке ударный слог с окружающими его слогами представляет собой пограничный участок различных единиц текста: ритмических групп, синтагм, фраз. Пограничные участки несут гораздо большую информацию, чем участки внутри упомянутых единиц. Р.К.Потапова, ссылаясь на Н.И.Дукельского, подчеркивает большое значение переходного процесса в речевом потоке. Распределение информации в речевом потоке неравномерно, и количество информации на переходном участке определенной длительности превышает количество информации на квазистационарном участке такой же длительности [110].

Не случайно, что в качестве участка, на котором осуществляются замеры акустических параметров, выбран слог. В фонетике слог рассматривается как главная произносительная единица. Так, Н.И.Жинкин указывает: "Устная речь реализуется в слогах, так как это специальное двигательное устройство человека, мозговое управление которого начинает налаживаться раньше, чем возникает звук на губах" [49, с.14]. Ю.С.Степанов сравнивает слог с маленькой сценой, на которой разворачивается большое представление [123].

Таким образом, основным методом анализа акустических данных являлось сопоставление просодических черт трех пограничных слогов синтагм и высказываний: слога, предшествующего конечному, конечного слога и начального слога следующей единицы.

Общий объем звучания экспериментального материала составил 134,4 мин. Экспериментальный материал записывался шестью дикторами, носителями французского языка, чье произношение отвечает нормам французской орфоэпии. В аудиторском анализе приняли участие 33 советских и 16 французских аудиторов. Аудиторский анализ проводился в два этапа.

Целью аудиторского анализа первого этапа было определение роли интонации в восприятии иронических текстов. Представляла определенный интерес психологическая реакция слушателей во время прослушивания текстов. Одни тексты предлагались для прослушивания в нейтральном варианте, другие - в экспрессивном. В нейтрально исполненном тексте роль интонации сводится к минимуму, и характер восприятия текста аудиторами зависит в основном от лексических и грамматических средств.

На втором этапе ставилась задача обнаружения системы иллокутивных значений в структуре иронических текстов. Аудиторы должны были расчленить тексты на синтагмы и высказывания и идентифицировать их интонационные особенности и смысловые оттенки.

Результаты проведенного аудиторского анализа свидетельствуют о том, что интонация служит главным средством создания комического эффекта. Несоответствующая ироническому тексту интонация — нейтральная или трагическая — блокирует действие лексики и грамматики и подавляет смех у слушателей. При определении прагматической направленности текста в 50% случаев аудиторы опираются на интонацию. Эксперимент показал, что общей характерной чертой как юмористических, так и сатирических текстов является их комический характер. Затруднения слушателей в разграничении текстов на сатирические и юмористические подтверждают правильность выбора лингвистических средств, а также точку зрения тех исследователей, которые считают, что "доля" смеха определяется описываемыми в тексте событиями. Комический характер сатирических текстов обеспечивается в основном лингвистическими средствами при главенствующей роли интонации.

Эксперимент свидетельствует об идентичности восприятия иронических текстов русскими, хорошо владеющими французским языком, и французскими аудиторами. И те и другие испытывали трудности в понимании содержания нейтрально исполненного текста.

Анализ данных аудиторов при идентификации ими смысловых оттенков, выражаемых интонацией соответствующих единиц текста, показывает, что различные оттенки отражают содержание иллокутивных макроактов, соотносимых с единицами текста. В протоколах анализа аудиторы отмечали цель, с которой употреблялся при исполнении диктором текста тот или иной смысловой оттенок. При неодинаковой интерпретации иронических текстов разными дикторами представилась возможность выделить наиболее часто встречающиеся оттенки: привлечение внимания слушателей, имитация речи персонажей, изображение ситуации, создание портретов персонажей, смысловое подчеркивание слов. Отличительная особенность всех этих оттенков — их игровой характер, проявляющийся в преобладании фальшиво-неестественных тонов. Игра, таким образом, является одной из составляющих иллокутивных микроактов в структуре иронических текстов.

Эксперимент показал, что выбор интонационных средств иронического текста чаще всего определяется общей прагматической направленностью текста, т.е. значением иллокутивного макроакта. Если в одних случаях интонация подчеркивает значение лексических и грамматических средств, то в других она вступает с ними в противоречие. Так, интонационно-смысловой оттенок "привлечение внимания слушателей" полностью затушевывает лексическое значение союзов *car*, *quand*, *et*, наречия *alors*. Имеются случаи, когда интонация позволяет конкретизировать значение использованных лексических средств и когда выражаемый интонацией того или иного фрагмента текста смысл

ловой оттенок обусловлен интонационно-смысловыми оттенками соседних участков текста.

Реализация иронического текста, соответствующая его прагматической направленности, характеризуется перестройкой единиц текста, о чем свидетельствует тот факт, что размеры и границы синтагм и высказываний не совпадают в нейтральном и экспрессивном вариантах исполнения. Экспрессивный, иронический вариант исполнения, характеризуется более дробным членением на синтагмы. При большом варьировании длины синтагмы, измеряемой числом содержащихся в ней слогов, наблюдается тенденция к уменьшению длины синтагмы в экспрессивном варианте исполнения по сравнению с нейтральным.

Сравнение характера членения на высказывания в двух вариантах исполнения показывает синтагматическую перестройку высказываний в ироническом варианте по сравнению с нейтральным. Количество же синтагм в высказываниях при смене вариантов исполнения не изменяется. Структура высказывания характеризуется в обоих вариантах исполнения незначительной сложностью — в основном преобладают высказывания, содержащие от одной до трех синтагм.

Интонация синтагмы имеет большую функциональную нагрузку, чем интонация высказывания в структуре иронического текста. Границы интонационно-смысловых оттенков в большинстве случаев совпадают с границами синтагм, а не высказываний. Выражение иллокутивного макроакта иронического текста связано с дробным членением текстов на синтагмы, а не высказывания. Ритмическая организация иронических текстов также связана с членением текстов на синтагмы, а не на высказывания. Границы синтагмы по сравнению с границами высказывания отличаются большей нечеткостью, что можно также рассматривать как следствие большей функциональной нагрузки интонации синтагмы, чем интонации целого высказывания.

В задачу интонографического анализа интонационного членения иронических текстов входило обнаружение акустических признаков членения на синтагмы и высказывания. Под этими признаками следует понимать характер отношения между пограничными слогами синтагм и высказываний по тому или иному акустическому параметру. Акустические признаки членения были разделены на интегральные и дифференциальные. К интегральным признакам были отнесены те признаки членения на синтагмы и высказывания, которые являются общими в обоих вариантах исполнения. Как дифференциальные рассматривались признаки, указывающие, во-первых, на различия в членении на синтагмы и высказывания, связанные с различными вариантами исполнения, и, во-вторых, на различия между синтагмой и высказыванием в использованных акустических средствах членения.

Экспериментальный корпус интонаграфического исследования составили иронические тексты, общий объем звучания которых равнялся 135 мин. В ходе интонаграфического анализа были использованы параметры, относящиеся к различным акустическим характеристикам интонации — частоте основного тона, амплитуде звукового давления, временным показателям. Представляли интерес изменения этих характеристик на участке трех пограничных слогов синтагм и высказываний: конечного слога, предшествующего ему, и последующего. В анализе были использованы следующие акустические параметры:

- характер соотношения \max и \min ЧОТ;
- величины соотношения \max и \min ЧОТ в полутонах;
- характер соотношения \max АЗД;
- величины соотношения \max АЗД в относительных единицах;
- характер соотношения показателей темпа;
- величины соотношения темпа;
- наличие или отсутствие паузы;
- величина паузы.

К интегральным и дифференциальным признакам, выявление которых составляло одну из задач эксперимента, относится различный набор перечисленных параметров.

К интегральным признакам пограничных слогов высказываний относятся направление движения ЧОТ, которое в конечном слоге высказывания является отличным от направления движения тона в соседних слогах; либо как от предшествующего, так и последующего слогов одновременно, либо только от предшествующего, или только от последующего; падение \min и \max ЧОТ к концу высказывания и увеличение к началу следующего; отрицательный межслоговой интервал ЧОТ или отсутствие интервала между предшествующим и конечным слогами высказывания, положительный интервал между конечным слогом высказывания и начальным слогом следующего высказывания; падение \max АЗД к концу высказывания и повышение к началу следующего; увеличение длительности конечного слога высказывания как по сравнению с предшествующим слогом и начальным слогом следующего высказывания, так и по сравнению только с начальным слогом следующего высказывания; наличие паузы.

К интегральным признакам пограничных сигналов синтагм относится прежде всего отличие конечного слога синтагмы по направлению движения тона от соседних слогов. Чаще всего в конечном слоге синтагмы движение тона восходящее, а в предшествующем слоге и начальном слоге следующей синтагмы — ровное. В конечном слоге синтагмы наблюдается увеличение \max ЧОТ по сравнению с предшествующим слогом, а в начальном слоге следующей синтагмы — уменьшение \max ЧОТ по

сравнению с конечным слогом. В пограничных слогах синтагмы часто встречается увеличение max ЧОТ в конечном слоге синтагмы по сравнению с предыдущим слогом и одинаковый уровень max ЧОТ в конечном слоге синтагмы и начальном слоге следующей синтагмы. Уменьшение max ЧОТ в конечном слоге синтагмы по сравнению с предыдущим сопровождается увеличением max ЧОТ в начальном слоге следующей синтагмы. На стыках синтагм наблюдается также увеличение max ЧОТ в конечном слоге по сравнению с предыдущим и увеличение max ЧОТ в начальном слоге следующей синтагмы по сравнению с конечным слогом.

Интегральные признаки пограничных сигналов синтагмы по параметру min ЧОТ характеризуются следующими данными: падение min ЧОТ к концу синтагмы и подъем к началу следующей; подъем min ЧОТ к концу синтагмы и падение к началу следующей синтагмы; одинаковый уровень min ЧОТ в предшествующем и конечном слогах синтагмы и увеличение min ЧОТ в начальном слоге следующей синтагмы по сравнению с конечным слогом предыдущей; увеличение min ЧОТ к концу синтагмы и одинаковый уровень min ЧОТ конца синтагмы и начала следующей синтагмы.

Акустический параметр "межслоговые интервалы ЧОТ" позволяет выделить следующие наиболее типичные отношения на стыке синтагм: положительный межслоговой интервал между предшествующим и конечным слогом синтагмы и отрицательный - между конечным слогом и начальным слогом следующей синтагмы; отсутствие интервала между предшествующим и конечным слогом синтагмы и отрицательный межслоговой интервал между конечным слогом и начальным слогом следующей синтагмы; положительный интервал между предшествующим и конечным слогом и отсутствия интервала между конечным слогом и начальным слогом следующей синтагмы.

К интегральным признакам пограничных слогов синтагмы по параметру max АЗП относятся следующие типы отношений: увеличение max АЗП в конечном слоге синтагмы по сравнению с предыдущим слогом и увеличение max АЗП в начальном слоге следующей синтагмы по сравнению с конечным слогом предыдущей; увеличение max АЗП в конечном слоге синтагмы по сравнению с предшествующим слогом и уменьшение max АЗП в начальном слоге следующей синтагмы по сравнению с конечным слогом предыдущей синтагмы; уменьшение max АЗП в конечном слоге синтагмы по сравнению с предшествующим слогом и увеличение max АЗП в начальном слоге следующей синтагмы по сравнению с конечным слогом предыдущей.

К интегральным темповым характеристикам пограничных слогов синтагмы следует отнести отличие конечного слога синтагмы по темпу от соседних слогов: увеличение темпа в конечном слоге синтагмы только

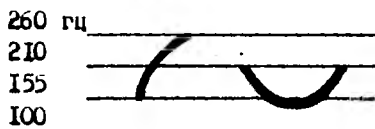
по сравнению с начальным слогом следующей синтагмы или по сравнению как с предшествующим слогом, так и начальным слогом следующей синтагмы.

Электроакустический анализ показал, что стыки синтагм и высказываний характеризуются дифференциальными акустическими признаками, отражающими различия в двух вариантах исполнения – ироническом и нейтральном. К дифференциальным акустическим признакам на границах высказывания относятся увеличение интервала max ЧОТ между конечным слогом высказывания и начальным слогом следующего высказывания более чем на один полутон; увеличение длины паузы в ироническом варианте исполнения почти в два раза по сравнению с нейтральным вариантом.

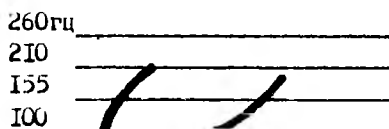
Интонографический анализ свидетельствует, что на границах синтагм находится больше отличительных признаков двух вариантов исполнения, чем на границах высказывания, что говорит в пользу большей функциональной нагрузки синтагмы, чем высказывания, и подтверждает полученные в аудиторском анализе данные. К дифференциальным акустическим признакам, находящимся на границе синтагм и отражающим различия в двух вариантах исполнения, относятся увеличение интервалов min и max ЧОТ, межслоговых интервалов на стыках синтагм более чем на один полутон в ироническом варианте исполнения по сравнению с нейтральным; ускорение темпа. Для иллюстрации роли частотных изменений на стыках синтагм в дифференциации вариантов исполнения приведем мелодические контуры двух начальных синтагм из отрывка "Histoire de Cunégonde". Ироническое исполнение этого отрывка предполагает, что начальная синтагма "J'étais dans mon lit" произносится с оттенком, который аудиторы характеризуют как привлечение внимания слушателей в отличие от трагического варианта исполнения, не содержащего подобного оттенка. Существенным отличием двух вариантов исполнения является наличие значительного мелодического интервала между первой синтагмой и второй "et je dormais profondément" в ироническом варианте исполнения.

В ироническом варианте исполнения более заметна иерархия вычленяемых единиц. Так, синтагма, выступающая в роли высказывания, стремится выделиться на фоне неконечных синтагм. Об этом свидетельствуют диапазоны варьирования пауз между синтагмами внутри высказывания (рис. 4), между односинтагменными высказываниями и между высказываниями, содержащими более одной синтагмы. В ироническом варианте исполнения пауза между односинтагменными высказываниями имеет тенденцию к увеличению длины по сравнению с паузами между синтагмами внутри высказывания, которые имеют тенденцию к сокращению длины.

Иронический вариант

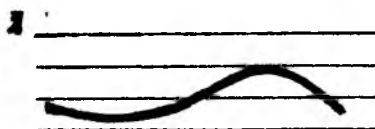
Трагический вариант

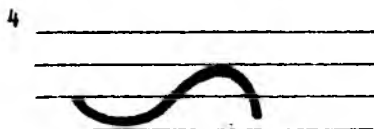
Р и с. 4. Мелодические контуры начальных синтагм отрывка "Histoire de Cunégonde" в исполнении диктора (мужской голос)

Большая роль мелодических изменений заметна в анализе ритмической структуры иронических текстов. Последовательности ряда синтагм, имеющих эквивалентные синтаксические конструкции, представляют собой последовательности аналогичных мелодических контуров. В качестве примера приведем последовательность синтагм из текста "Histoire de Cunégonde" (рис.5).

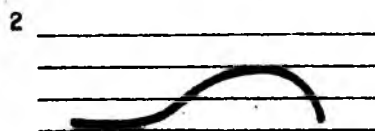
Интонографический анализ позволяет выделить акустические дифференциальные признаки, отражающие иерархию вычленяемых единиц, так как синтагма и высказывание являются единицами разных уровней ие-

Cela me fit revenir

Je me débattis

Je repris mes sens

Je mordis

Je criai

Р и с. 5. Мелодические контуры последовательности синтагм из текста "Histoire de Cunégonde"

рархии. Дифференцирующей способностью обладают соотношения в пограничных слогах единиц следующих параметров: направления движения ЧОТ, \max ЧОТ, межслоговых интервалов. Например, в конечном слоге синтагмы чаще всего наблюдается повышение тона на фоне ровного движения тона соседних слогов, тогда как в конечном слоге высказывания в большинстве случаев встречается нисходящее движение тона также на фоне ровного движения тона в соседних слогах высказывания. В пограничных слогах синтагм имеет место повышение \max ЧОТ от предшествующего слога синтагмы к конечному и понижение \max ЧОТ от конечного слога синтагмы к началу следующей синтагмы; в пограничных слогах высказывания отмечается обратный тип отношений по параметру \max ЧОТ.

Хорошо отражают иерархию вычленяемых единиц отношения межслоговых интервалов. Между предшествующим и конечным слогом синтагмы отмечается положительный межслоговый интервал или его отсутствие, а между конечным слогом синтагмы и начальным слогом следующей синтагмы наблюдается отрицательный межслоговый интервал. Между предшествующим и конечным слогом высказывания отмечается отрицательный межслоговый интервал или его отсутствие, а между конечным и начальным слогом следующего высказывания наблюдается положительный межслоговый интервал.

Дифференцирующая способность \min ЧОТ и \max АЗД выражена менее отчетливо. Темп не отражает иерархии вычленяемых единиц. Средняя величина паузы между высказываниями превышает среднюю величину паузы между синтагмами почти вдвое.

В ходе анализа было обнаружено компенсаторное взаимодействие акустических параметров. Релевантным может быть различное количество типов отношений акустических параметров на стыках синтагм и высказываний. Возможен случай, когда релевантным оказывается только один из параметров, например пауза, которая и несет всю функциональную нагрузку.

Проведенный интонографический анализ позволяет утверждать, что в структуре иронического текста прагматическая функция интонации представляет собой совокупность трех функций: сегментирующей, интегрирующей и изобразительной.

Сегментирующая функция обеспечивает дискретность текста. Особыми средствами выражения сегментирующей функции интонации являются интегральные акустические признаки, сосредоточенные на стыках синтагм и высказываний. В соответствии с сегментирующей функцией интонации иронический текст членится на короткие по величине синтагмы.

Исходя из интегрирующей функции интонации вычленяемые в ироническом тексте единицы относятся к разным уровням иерархии. Средствами выражения интегрирующей функции интонации являются акустические дифференциальные признаки, отражающие иерархию вычленяемых единиц. Согласно интегрирующей функции интонации адекватное исполнение иронического текста связано с более подчеркнутой иерархией единиц текста, синтагм и высказываний.

Изобразительная функция интонации в ироническом тексте — это функция выражения иллокутивных микроактов в его структуре. Ее показатели также находятся на стыках синтагм и высказываний. К ним следует отнести дифференциальные акустические признаки, отражающие различия в исполнении нейтрального и экспрессивного иронического текстов.

В структуре иронических текстов параллельно с указанными выше функциями имеется модальная функция интонации, в соответствии с которой выражается отношение говорящего к содержанию высказываемого. С точки зрения анализируемых иронических текстов, это — отношение исполнителя к содержанию исполняемого. Каждый диктор-исполнитель по-своему интерпретирует содержание текста, чем и объясняются отмеченные нами варианты членения, неодинаковый набор акустических признаков у различных дикторов.

Проведенное экспериментально-фонетическое исследование показало, что иронию нельзя свести к определенному набору стилистических приемов, так как все использованные в ироническом тексте лингвистические средства, включая интонационное членение на синтагмы и высказывания, служат средством выражения иронии.

§ 6. Сегментные средства выражения игры

За исключением аллитерации все другие способы выражения игры с помощью сегментных средств языка направлены на создание комического эффекта (иронии). Подобному анализу различных приемов языковой игры и их классификации на материале русского языка посвящена глава из книги "Русская разговорная речь..." [50]. Среди этих приемов выделяются фонетические деформации лексических единиц, к которым авторы относят метатезу, протезу, нарушения законов чередования согласных, замену одних звуков другими, перенос ударения слов. Приводимые в книге примеры свидетельствуют о том, что языковая игра основывается на закономерностях и особенностях языка, в котором она проявляется. Естественно предположить, что во французском языке будут как совпадения, так и различия в проявлениях языковой игры.

Используя терминологию А.Н.Леонтьева, можно допустить, что адекватная фонетическая форма лексической единицы определяет значение предмета игры, а ее искаженная фонетическая форма — игровой смысл. Чем больше расхождение между значением предмета игры и игровым смыслом, тем сильнее, выразительнее игровой прием.

Исследование фонетических средств выражения игры на сегментном уровне проводилось нами как на основе слуховых наблюдений, так и путем анализа литературных источников. Одним из литературных источников фонетических средств выражения игры служил роман Р.Кено "Зази в метро" [220], в котором зафиксированы многочисленные случаи фонетических приемов языковой игры. В частности, речь идет об утрированно достоверном выражении особенностей произношения персонажей романа, что подчеркивается или усиливается необычным способом графического изображения лексических единиц и даже целых высказываний. Р.Кено обосновывает такой способ графического изображения лексических единиц и даже целых фрагментов текста в одной из своих работ, выдвигая понятие "письменного разговорного языка" [219]. Содержание этого понятия заключается в сочетании характерного произношения и свойственной этому произношению орфографии. Например: *Qua-vouar* (quoi voir), *Lagoçamilébou* (la gasse a mis les bouts).

В основном в романе отражены особенности просторечного произношения персонажей: выпадение гласных [E], [y], беглых [ə], [u], [φ], что сказывается на написании лексических единиц. Например, выпадение [E] выявлено в графике *ltipstu* (le type s'est tu), выпадение гласных [y], [u], беглого [ə] отражается во фразе *ce que t'as dit tout à l'heure* в графике *Skeutadittaleur*. Редукция гласных [u] и [φ] наблюдается в графике *vzêtes u ptât* (vous êtes, peut être). Просторечная замена [ə] на [E] представлена таким примером, как *sexé*, что означает *ce que c'est*. Имеются случаи утрированного произношения [ə], которое находит отражение в написании: *meussieu; neu teu plaiseu pav*. Допустимое в разговорной речи выпадение конечных *re, le* после согласного можно проиллюстрировать примером *autt chose*. В романе многочисленны случаи произношения sdвоенных согласных: *dmændzi, izz, kèss, ассимиляции согласных: chsuis, chparie*.

Р.Кено изображает графически не только случаи допустимого языковой нормой связывания (*vzêtes zun*), но и возможного в просторечьи ложного связывания (*ton zoizo, pour moi zovvi, va-t-à-z-eux*), замены полугласного согласным (*vviu*), причем геминированным. Замену одного звука другим встречаем в "*A rvoir, Gaby!*" вместо [ərvwar] .

Указанные примеры свидетельствуют об игре самого автора романа. С одной стороны, он достоверно передает особенности произноше-

ния своих персонажей, а с другой, намеренно искажает их графическую форму, создавая расхождение между значением предмета игры (особенности произношения персонажей) и игровым смыслом (искаженная графическая форма лексических единиц текста).

Случай намеренного фонетического искажения слов самими персонажами (игра персонажей) встречается реже: *eksetera, ma moman (ma mamam)*. Писатель графически обыгрывает дефекты произношения персонажей. Например, гнусавое произношение *nom de Dieu* графически представлено как *pondguieu*. Р.Кено приводит случаи искажения слов в произношении детей: имитация произношения Зази, его главной героиней, слова "кокаколо" (*оооооло*).

Произношение одним из персонажей слова *psychanalyste* как *psittacoanalyste* может трактоваться различным образом. Либо персонаж намеренно искажает существующую лексическую единицу, играя на слове *psittacose* (болезнь попугаев), поскольку в изображаемой автором ситуации есть попугай, либо фонетическое искажение — свидетельство малограмотности персонажа и оно является преднамеренным, т.е. игрой.

В романе Р.Кено встречаются также случаи ономотопеи: *Je le vois venir avec ses gros yéyéés*; примеры фонетических неологизмов *Vous feriez mieux d'aller garder vozouazévovos (vos oises-их)*.

Слуховые наблюдения при прослушивании различных прозаических или поэтических текстов дают примеры утрированного, намеренно искаженного произнесения того или иного звука слова, что является приемом языковой игры. Так подчеркнутое произношение [α] заднего ряда в слове *jamaïs* из фрагмента *et ne revenez jamais au château* в сказке *Blanche-Neige et les sept nains* расценивается как ироническое, и, следовательно, игровое. Это игра исполнителя сказки.

К игровым приемам следует отнести также утрированное произношение двоянных согласных. Вот пример из стихотворения Ж.Превра *Il ne faut pas* в интерпретации Сержа Режьяни. Подчеркнутые нами в приводимом ниже отрывке звуки произносятся актером как геминированные. Следует отметить, что такая интерпретация стихотворения входит в замысел автора, о чем свидетельствует орфография слова *Messieurs* с четырьмя или пятью согласными *s* :

Il ne faut pas laisser les intellectuels jouer avec les allumettes:

Parce que Messieurs quand on le laisse seul.

Le monde mental Messsieurs

N'est pas du tout brillant

Et sitôt qu'il est seul

Travaille arbitrairement

S'érigeant pour soi-même

Et soi-disant généreusement en l'honneur des travailleurs du bâtiment

Un auto-monument

Répétons-le Messssssieurs

Quand on le laisse seul

Le monde mental

Ment

Monumentalement.

Другими приемами языковой игры в этом же стихотворении являются послоговое произношение ряда слов: gé-né-reuse-ment, un-au-to-mo-nu-ment, ré-pé-tons-le, mo-nu-men-talement, а также произношение [э] беглого, не являющееся в данном случае необходимым.

Как известно, одним из игровых приемов служит повтор. Французский исследователь Р.Гарапон пишет, что повтор чаще всего употребляется с целью создания комических аллитераций, в частности в средневековых сатирических пьесах. В качестве примера он цитирует: *quand un cordier veut accorder sa corde* [181]. Р.Гарапон отмечает, что двадцатикратные повторы подобны конглированию со словами, смыслом или звуками, и что в конечном счете после определенного количества повторов слово теряет всякое значение и предстает совершенно "голым".

Аллитерация широко распространена в поэзии. В частности, в грамматике Ларусс отмечается, что повтор некоторых гласных или согласных используется в целях создания так называемой "имитационной гармонии": ... *il s'agit de créer par les sons une évocation, voire une hallucination du bruit que décrivent les vers* [185, p.425].

Аллитерация, которая должна рассматриваться только с точки зрения структуры текста в целом и его глобального прагматического значения, широко употребительна также и в прозаическом тексте. Слуховой анализ поэтических и прозаических текстов свидетельствует о том, что связывание (*liaison*) выполняет функцию усиления аллитерации. Следует отметить, что проблема факультативного связывания никогда еще не рассматривалась в прагматическом аспекте. Анализ показывает, что факультативное связывание делается в том случае, когда необходимо подчеркнуть аллитерированную согласную, если она идентична появляющейся при связывании согласной. Так, в юмористическом стихотворении Ж.Превера *Chanson des escargots qui vont à l'enterrement des feuilles mortes* связывание согласной *t* усиливает аллитерацию *t*:

qui vont à l'enterrement des feuilles mortes
 les arbres et les plantes
 se mettent à chanter
 à chanter à tue-tête
 ils titubent un petit peu.

В стихотворении Ж.Превра En sortant de l'école r, появ-
 ляющийся при связывании, усиливает аллитерацию r: pousser à tort
 et à travers. Отсутствие связывания в другом примере может быть
 объяснено стремлением диктора избежать нейтрализации аллитера-
 ции r:

on s'est mis à rouler
 rouler derrière l'Kiver.

Сравнительный анализ отрывков из различных вариантов сказки
 братьев Grimm "Бременские музыканты" и сказки Ш.Перро "Красная ша-
 почка" дает нам немало примеров того, как аллитерация руководит
 выбором лексических единиц в художественном тексте. В качестве при-
 мера приведены следующие отрывки из двух различных вариантов сказ-
 ки "Красная шапочка":

Первый вариант

Аллитерация

A un bon quart d'heure
 d'ici, plus loin dans la
 forêt. La maison se trouve
 sous les trois grands chênes.
 Tu la verras facilement.

Второй вариант

Аллитерация

C'est par-delà de Moulin que vous
 voyez tout la-bas, la-bas, à la
 première maison du village.

Для сравнения взят один и тот же отрывок, в котором Красная
 шапочка объясняет волку, где живет ее бабушка. Как видим, в одном
 варианте преобладают слова с r, в другом - с l.

В двух различных вариантах одного и того же отрывка, в кото-
 ром рассказывается о встрече ослика с собакой в сказке "Бременс-
 кие музыканты", также наблюдается аллитерация звуков [s] и [r]:
 'Il marchait depuis Peu de temps après son départ il ren-
 un petit moment quand contra un chien de chasse sur la route
 il rencontra un chien qui respirait comme quelqu'un hors d'ha-
 de chasse, couché au leine .
 milieu du chemin .

Можно предположить, что выбор слова chemin связан с аллите-
 рацией звука [s], а слова route - с аллитерацией звука [r].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что
 с одной стороны, выбор фонетической формы лексических единиц в ху-

дожественном тексте обусловлен прагматическим фактором создания игрового эффекта, а, с другой стороны, выбор самих лексических единиц зависит от их фонетической формы, которая выполняет в этом случае прагматико-игровую функцию.

Итак, в проанализированном материале встречаются следующие фонетические приемы языковой игры: выпадение звуков (согласных или гласных), намеренное искажение фонетической формы слова с заменой одного звука на другой, подражание чьему-то произношению, намеренное фальшивое связывание, ассимиляция звуков, утрированное произношение [э], фонетические неологизмы, аллитерация, утрированная геминация.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прагматика в широком значении определяется в работе как лингвистическая дисциплина, изучающая речевую коммуникацию сквозь призму речевых актов: локутивных, иллокутивных и перлокутивных. Наиболее важное значение в прагматике имеют иллокутивные акты, которые подчиняют себе локутивные и перлокутивные. Например, значение иллокутивного макроакта иронического текста обуславливает членение на синтагмы и высказывания, что составляет содержание локутивного акта.

Главным в определении иллокутивных актов являются намерения говорящего. Применительно к эмоциям, например, иллокутивное значение имеют только те эмоции, которые входят в намерение говорящего.

Выявление и систематизация иллокутивных значений, установление иллокутивной структуры текстов — главные задачи прагматики. Для их решения были пересмотрены некоторые лингвистические понятия, например вопросительность. Был осуществлен анализ некоторых экстралингвистических понятий, а именно, эмоций и иронии. Одним из основных методов исследования прагматической функции языка стало экспериментально-фонетическое исследование.

Главное внимание в работе наряду с анализом взаимодействия фонетики с грамматикой и лексикой уделялось супрасегментным и сегментным средствам выражения прагматической функции.

Теоретическое и экспериментально-фонетическое исследование позволяет заключить, что вопросительность является значением иллокутивного акта. Понятия вопросительности и вопросительного предложения не однозначны. Иллокутивное значение вопросительности выражается различными синтаксическими конструкциями, с помощью различных грамматических, лексических и интонационных средств. Вопросительность не обязательно предстает в форме вопросительного предложения. А высказывание, имеющее синтаксическую форму вопросительного предложения, может не обладать вовсе иллокутивным значением вопросительности. В речи эта конструкция способна выражать, например,

иллокутивное значение сомнения. Вопросительное предложение — это синтаксическая конструкция с инверсией, которая служит для выражения вопросительности наряду с другими лингвистическими средствами. Вопросительность может быть представлена одной только интонацией при наличии в высказывании повествовательной или императивной синтаксических конструкций. Вопросительность может быть также подразумеваемой при отсутствии эксплицитных лингвистических маркеров. Например, высказывание *Il est parti* с нейтральной нисходящей интонацией в определенных ситуационных условиях может восприниматься как вопрос.

Одним из маркеров иллокутивного значения вопросительности является вопросительный предикат. Экспериментально-фонетическое исследование, целью которого было и определение места вопросительного предиката в трехсложном односинтагменном высказывании, свидетельствует о том, что вопросительный предикат находится в конечной позиции независимо от наличия или отсутствия в высказывании вопросительного слова. Изучение интонационных средств иллокутивного значения вопросительности в трехсложных односинтагменных высказываниях свидетельствует о преимущественном значении интонации по отношению к грамматике.

Намеренно выраженные эмоции составляют и другие иллокутивные значения. Эмоциональная окраска высказывания создается благодаря взаимодействию в нем средств лексики, лексической морфологии, грамматики и интонации. Относительно интонационных средств выражения эмоций в лингвистике существует два мнения — П. Леона и И. Г. Торсуевой. Первый исследователь считает, что имеются единицы интонации, выражающие конкретные эмоции; по мнению второго, интонационные единицы одновременно со своими основными лингвистическими функциями выполняют функцию передачи эмоционального состояния говорящего.

В виду того, что высказывание может быть иллокутивно маркировано не один раз, было исследовано взаимодействие различных иллокутивных значений в одном высказывании. В этой связи встает проблема иллокутивной доминанты — главенствующего иллокутивного значения, которое определяет функционирование лингвистических средств. Фонетические средства — супraseгментные и сегментные — функционируют во взаимодействии с лексическими и грамматическими средствами.

При взаимодействии в высказывании вопросительности и эмоциональности имеются случаи, когда иллокутивное значение вопросительности либо полностью, либо частично стирается. На взаимодействие иллокутивных значений вопросительности и эмоциональности влияет характер эмоций. Гнев, раздражение, радость способствуют нейтрализации вопросительности в большей степени, чем злорадство и грусть. Су-

цественным оказывается также характер выраженности эмоций. Более яркий характер эмоций сильнее нейтрализует вопросительность.

Нейтрализующее вопросительность действие эмоций объясняется тем, что существуют пучки акустических признаков, четко разграничивающих нейтральные и эмоциональные реализации. Например, несмотря на кажущуюся константность конфигурации движения частоты основного тона в вопросительных высказываниях без эмоциональной окраски и в вопросительных высказываниях с эмоциональной окраской, результаты исследования показывают значительные изменения во внутренней интонационной структуре эмоционально окрашенных высказываний. Мелодический рисунок эмоциональных высказываний разворачивается на втором-пятом уровнях мелодической шкалы в отличие от эмоционально нейтральных вопросительных высказываний, мелодический рисунок которых разворачивается на втором-четвертом уровнях той же шкалы. Грусть и злорадство модифицируют мелодический рисунок, который свойственен выражению вопросительности.

Доминирующая роль иллюкутивного значения эмоциональности выражается также в показателях процентного соотношения вокалического консонантного временного наполнения высказываний, т.е. на сегментном уровне.

В отличие от высказывания текст обладает более сложной иллюкутивной структурой. Не менее важной задачей прагматики является раскрытие механизма текстообразования, представляющего собой с точки зрения прагматики процесс развертывания иллюкутивных макроактов. Для решения этой задачи была выбрана ирония ввиду ее особой прагматической природы и вследствие того, что она может выражаться текстом в целом. Для определения иллюкутивного макроакта иронического текста потребовалось исследование иронии не только на лингвистическом уровне, но на философском, эстетическом, психологическом и литературоведческом. В связи с наличием многочисленных неразрешенных проблем иронии следовало попутно решить задачу ее определения, разграничения иронии с родственными ей понятиями комического, остроумия, юмора, сатиры. Значения иллюкутивного макроакта иронического текста и составляющих его иллюкутивных микроактов определились также экспериментальным путем в ходе перцептивного анализа иронических текстов.

Ирония представляет собой явление, выражающееся во многих действиях человека. Из всего многообразия сторон иронии можно выделить две основные. С одной стороны, ирония представляет собой отношение человека к действительности, а с другой — способ выражения этого отношения в творении человека. Вторая сторона иронии показывает ее связь с художественным творчеством, так как ирония есть

принцип художественного изображения действительности, в котором выражено отношение художника к миру. Тот факт, что ирония широко употребительна в обыденной речи людей, а не только в произведениях культуры, свидетельствует о том, что эстетическая функция языка находит проявление во всех типах речи. Особенности иронии как гносеологической и эстетической категории раскрываются нами с помощью понятия игры, специфика которой в ироническом тексте выражается с помощью понятия комического.

Проведенное экспериментальное исследование интонационных средств выражения иронии, подтвердив выдвинутые на основе анализа теоретической литературы гипотезы, показало, что иронию нельзя свести к набору стилистических приемов. Средства иронического текста, включая интонационное членение на синтагмы и высказывания, направлены на выражение иронии.

Гносеологический аспект номинации в ироническом тексте явлений действительности заключается в характере отношения лингвистических средств, выражающих иронию, к объективной действительности. Это отношение в данном типе текста является игровым. Семантический механизм проявления игрового эффекта заключается в нарушении автором иронического произведения универсального закона номинации. Автор иронического произведения приписывает изображаемому в тексте объекту или явлению свойства, которые состоят в отношении противоречия с реальными свойствами этого объекта или явления. Игровое противоречие обнаруживается также между различными лингвистическими средствами, участвующими в процессе номинации. Отношение игрового противоречия пронизывают всю структуру текста. Игровое противоречие — это основной принцип семантико-прагматической организации иронического текста.

Нарушая закон универсальной номинации, автор иронического произведения основывается на реально существующих свойствах изображаемой ситуации и стремится к тому, чтобы вывод сделал сам получатель иронического произведения. Реакция читающего или слушающего иронический текст является игровой, так как к сути явления он приходит путем догадки.

Компонентом глобального смысла текста следует считать значение иллюкутивного макроакта, производного от последовательности иллюкутивных микроактов в структуре текста. Иллюкутивные макро- и микроакты имеют сложную структуру, состоящую из двух элементов: постоянного — игры и переменного — сатиры или юмора (макроакты), привлечения внимания слушателей, изображения ситуации, создания портрета персонажей, смыслового подчеркивания слов (микроакты). Зна-

чения переменных составляющих иллокутивных микроактов связаны с характером интерпретации иронических текстов дикторами. При наличии свободы в интерпретации набор иллокутивных значений в структуре текста является одинаковым, но распределенным в текстах, исполняемых разными дикторами по-разному.

Игра выступает основным текстообразующим фактором иронического текста. Все интонационные средства текста выполняют функцию создания игрового противоречия. В системе выявленных интонационно-смысловых оттенков особая роль отводится игровому элементу, о чем свидетельствует тот факт, что все экспрессивные оттенки носят неестественный характер.

Одним из главных способов выражения прагматической функции интонации в иронических текстах является интонационное членение иронического текста на синтагмы и высказывания. Членение текста на единицы создает не только необходимую для понимания смысла текста дискретность, но и производит интеграцию вычленяемых единиц, которая образует смысл всего текста в целом.

Интонация по сравнению с другими лингвистическими средствами играет важную роль в выражении смысла иронического текста. От адекватной характеру текста интонации зависит понимание иронического текста слушателями, их психологическая реакция.

Интонация не только конкретизирует смысл лексических единиц, но нередко наделяет их совершенно неожиданными значениями, которые могут приходиться в противоречие с основными лексическими значениями слов. Иными словами, интонация иронического текста в целом подчинена значению иллокутивного макроакта, а в структуре текста она управляет значениями лексических и грамматических средств.

С точки зрения теории интонации прагматическая функция интонации может рассматриваться как одна из основных функций лингвистической системы. В конкретных типах текста эта функция реализуется в соответствии с их прагматическими особенностями. В художественных текстах прагматическая функция интонации проявляется как игровая, а в иронических — как функция создания комического эффекта. Прагматическая функция интонации представляет собой совокупность трех функций, реализуемых в структуре иронического текста: сегментирующей, интегрирующей и изобразительной.

Сегментные средства иронического текста также подчиняются действию основного фактора иронического текста — созданию игрового комического противоречия. К ним относятся выпадение звуков, замена одного звука другим, подражание чьему-либо произношению, фальшивое связывание, ассимиляция звуков, утрированное, в том числе и беглое произношение заднего ряда, фонетические неологизмы, аллитерация, утрированная геминация.

Все это свидетельствует о неисчерпаемости способов выражения иллокутивных макро- и микроактов с помощью супraseгментных и сегментных языковых средств. Психологические особенности восприятия в художественном творчестве находят непосредственное выражение в семантическом механизме номинации, обусловленном игрой.

Прогматическая функция языка представляет собой разновидность его основной функции - коммуникативной, которая имеет различные проявления. Прогматическая функция реализуется в речевых актах в процессе коммуникации. Лингвистической системе принадлежат иллокутивные значения текстов, языковые средства, способные выступать в качестве маркеров иллокутивной силы, закономерности реализации речевых актов в процессе коммуникации.

Сам по себе речевой акт - это процесс. Локутивные акты как грамматическая, фонетическая и семантическая операции существуют в чистом виде только в тренировочных упражнениях по грамматике, фонетике и лексике. Во время естественной коммуникации происходит трансформация локутивных актов в иллокутивные. Она осуществляется с помощью маркеров иллокутивной силы согласно намерению говорящего, стремящегося произвести определенный эффект на собеседника.

Интонационные единицы можно рассматривать как корреляты осуществляемых в речи интонационных локутивных актов. Интонационные локутивные акты существуют в речи в чистом виде только в тренировочных упражнениях по интонации. В условиях обычной коммуникации интонационные локутивные акты преобразуются в иллокутивные, т.е. интонационная единица реализуется как вариант. Это преобразование осуществляется с помощью интонационных маркеров иллокутивной силы или интонационных фигур.

Преобразование локутивных актов в иллокутивные в структуре текста носит более сложный характер, чем в структуре высказывания. Говорящий оперирует линейными единицами текста - синтагмами и высказываниями. Вопрос о том, как членится текст на синтагмы и высказывания, какова четкость их границ, какие маркеры иллокутивной силы используются в ходе трансформации локутивных актов в последовательность иллокутивных микроактов, решается конкретно для каждого типа текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова А. М. Интонационная структура восклицательных предложений в ее взаимодействии с их лексико-грамматической структурой: (на материале английского и русского языков) // Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences (Prague, 1967). Prague, 1970.
2. Арзуманян М. А. Вопросительное предложение в современном периодском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
3. Арутюнова Н. Д. О фонетической организации языка и иерархии его грамматических единиц // Фонетика. Грамматика: (к семидесятилетию А. А. Реформатского). М., 1971.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
5. Ахманов А. С. Логические формы и их выражение в языке // Мышление и язык. М., 1957.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
7. Ахундов Д. М. Вопросительные предложения в современном азербайджанском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1968.
8. Багдасарян М. А. Языковые средства выражения иронии в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
9. Балаян А. Р. Основные коммуникативные характеристики диалога. М., 1971.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1965.
11. Банару В. И. Проблематика векториальности грамматических отношений. Кишинев, 1977.
12. Банару С. М., Банару В. И. Интонационный способ как одно из средств выражения логического предиката во французском языке // Научная конференция профессорско-преподавательского состава Ки-

шневского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.И.Ленина по итогам научно-исследовательской работы за 1972 год (Тезисы докладов). Кишинев, 1972.

13. Барышникова К. К. К вопросу обучения интонации французского языка//ИЯШ. 1960. № 2.

14. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

15. Бахтин М. М. Творчество Ф.Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

16. Белашапкина В. А. Грамматическая природа сложного предложения//Проблемы современной лингвистики. М., 1968.

17. Берковский Н. Я. Эстетические позиции немецкого романтизма//Литературная теория немецкого романтизма: Документы. Л., 1934.

18. Берлин С. А., Вейхман А. С. Обучение английской интонации. М., 1973.

19. Бобырева М. М. Порядок слов в простом и сложном предложении во французском языке. М., 1965.

20. Борев Ю. В. О комическом. М., 1957.

21. Брока В. А. Сопоставительный анализ интонации вопросительных предложений английского и латышского языков: Автореф. дис... канд. филол. наук. Минск, 1968.

22. Брызгунова Е. А. Основные типы интонационных конструкций в русском языке и их восприятие//Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences (Prague, 1967). Prague, 1970.

23. Будагов Р. А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1978.

24. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971.

25. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.

26. Вардуть И. Ф. Супрасинтаксические потенции предложения и частица "ва"//Вопросы японского языка. М., 1971.

27. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.

28. Виноградов В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). М., 1972.

29. Войскуновский А. Е. К анализу условий возникновения коммуникативных целей//Психологические механизмы целеобразования. М., 1977.

30. Волков Р. А. К проблеме тропа//Вопросы русской литературы. Львов, 1966.

31. Г а к В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук. М., 1967.
32. Г а к В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1977.
33. Г а л к и н а - Ф е д о р у к Е. М. О форме и содержании в языке//Мышление и язык. М., 1957.
34. Г а л к и н а - Ф е д о р у к Е. М. Порядок слов в простом предложении//Современный русский язык. Синтаксис.М., 1958.
35. Г а л к и н а - Ф е д о р у к Е. М. Типы предложений//Современный русский язык. Синтаксис. М., 1958.
36. Г а л ь п е р и н И. Р. Грамматические категории текста: (Опыт обобщения)//Изв.АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т.36. № 6.
37. Г а л ь п е р и н И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
38. Г а л ь п е р и н И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
39. Г е л а д з е С. Н. Модификации интонационной структуры повествовательной фразы под влиянием эмоциональной окраски во французском языке//Учен. зап./МГПИИЯ им.М.Тореза. 1975. Вып.84.
40. Г л у ш к о в а Т. И. Роль интонации в фельетоне//Проблемы журналистики. Л., 1976.
41. Г о м е р И. А. Интонация собственно-восклицательных предложений с положительной и отрицательной эмоциональной окрашенностью: (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Л., 1975.
42. Г о р д и н а М. В. Фонетика французского языка.Л.,1973.
43. Д а в ы д о в М. В., П е р ц е в Е. М. Ироническая модалность в газетно-публицистических жанрах и ее просодия // Тезисы докладов научно-методической конференции "Просодия текста".М.,1982.
44. Д а в ы д о в М. В., С м о л е н с к а я С. С. О фонетических средствах выражения иронии. М., 1980.
45. Д е в к и н В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965.
46. Д е м ь я н е н к о А. Ф. Предложение и суждение. Львов, 1963.
47. Д р и д з е Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов: (с учетом специфики интерпретационных сдвигов)//Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
48. Ж и н к и н Н. И. Вопрос и вопросительное предложение//ВЯ. № 3. 1955.
49. Ж и н к и н Н. И. Речь как проводник информации. М.,1982.

50. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра//Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

51. Земская Е. А. Речевые приемы комического в советской литературе//Исследования по языку советских писателей. М., 1959.

52. Златоустова Л. В. Интонация и просодия в организации текста//Звучащий текст. М., 1983.

53. Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.

54. Золотова Г. А. Роль темы в организации и типологии текста//Синтаксис текста. М., 1979.

55. Илья Л. И. К проблеме отношения интонации и грамматики//ИЯШ. 1962. Вып. I.

56. Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С. О способах выражения фразового ударения в письменной речи//Фонетика. Фонология. Грамматика: (к семидесятилетию А.А.Реформатского). М., 1971.

57. Каган М. С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). М., 1974.

58. Качан Э. А. Интонация видов вопроса с прямым порядком слов в современном французском языке: (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1973.

59. Китайгородская Г. А. Интонация вопросно-ответного комплекса в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

60. Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации//Основные проблемы африканистики. М., 1973.

61. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII - первой трети XIX в. М., 1969.

62. Ковтунова И. И. Порядок слов как предмет грамматического изучения//ВЯ. 1973. № 4.

63. Ковтунова И. И. Вопросы структуры текста в трудах акад. В.В.Виноградова//Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Л., 1982.

64. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

65. Ковыльникова В. Н. Модификации интонационной структуры побудительного предложения под влиянием эмоциональной окраски в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

66. Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности//ВЯ. 1961. № I.

67. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.

68. Колшанский Г. В. Лингвогносеологические основы языковой номинации//Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
69. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965.
70. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
71. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
72. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985.
73. Копнин П. В. Природа суждения и форма выражения его в языке //Мышление и язык. М., 1957.
74. Корчагина Е. Ю. Интонация как средство жанровой дифференциации устных текстов в современном немецком языке: (на материале текстов радиовещания ГДР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
75. Крылова О. А. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории (сочинение, подчинение, обособление, присоединение)//ФН, 1970. № 5.
76. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979.
77. Лаптева О. А. Дискретность в устном монологическом тексте//Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
78. Лаптева О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения//ВЯ, 1972. № 2.
79. Леонтьев А. А. Факторы вариативности речевых высказываний//Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
80. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
81. Леонтьева (Торсуева) И. Г. Функциональная теория интонации. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
82. Лимантов Ф. С. О гносеологической природе комического образа с точки зрения теории информации//Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1962. Вып. 124.
83. Лихачев Д. С. Поэзия садов: (к семантике садово-парковых стилей). Л., 1982.
84. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965.
85. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме "Искусство в ряду моделирующих систем"//Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1967. Вып. 198.
86. Луев В. И. Вопросительные предложения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

87. Д у к А.Н. Юмор, остроумие, творчество. М., 1977.
88. Л ю б о п ы т н о в а В. С. Интонация вопросительного предложения в немецком языке//Тр.ВИИЯ. М., 1953. Т.3-4.
89. М а й о р о в а И. А. Текстобразующие функции интонации: (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд.филол. наук. М., 1980.
90. М а к а р е н к о Т. К. Обучение интонации вопроса современного французского языка на первом курсе языкового вуза: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1972.
91. М а м а е в а А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1977.
92. М а ч к о в а Р. А. Интонация вопросительного предложения с эмоциональной окрашенностью в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1971.
93. М и р я н и ш в и л и М. Г. Некоторые вопросы ритмики звучащего текста//Звучащий текст. М., 1983.
94. М о р е н М. К., Т е т е р е в н и к о в а Н. Н. Стилистика современного французского языка. М., 1970.
95. М о с к а л ь с к а я О. И. Грамматика текста. М., 1981.
96. Н и к о л а е в а Т. М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.
97. Н и к о л а е в а Т. М. [Рецензия]//ВЯ. 1970. № 4. Рец. на кн.: Halliday M.A. Intonation and Grammar in British English. The Hague; Paris. 1967.
98. Н и к о л а е в а Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
99. Н и к о л а е в а Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
100. П а з у х и н Р. В. Язык, функция, коммуникация//ВЯ.1979. № 6.
101. П а н к р а ц Г. Я. К проблеме классификации вопросительных предложений: (на материале немецкого языка)//Вопросы синтаксиса немецкого языка. Алма-Ата, 1959.
102. П а н ф и л о в В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
103. П а о и И. Ирония//Актуальные проблемы эстетики: В 2 т. София. 1976. Т.2.
104. П и я е в а В. М. Интонация вопросительного предложения во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1954.

105. П л е х а н о в Г. В. Письма без адреса//Избранные философские произведения: В 5 т. М. 1958. Т.5.
106. П л е х а н о в Г. В., Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г.// Избранные философские произведения в 5 т. М., 1958. Т.4.
107. П о п о в П. С. О логическом ударении//ВЯ. 1961. № 3.
108. П о п о в П. С. Суждение и предложение// Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
109. П о т а п о в а Р. К., К а м ы ш н а я Н. Г. Параметрическая сегментация звучащего текста//Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной школы-семинара по проблеме "Исследование речи". Л., 1981.
110. П о т а п о в а Р. К. Различные типы слогового стыка: (экспериментальное исследование некоторых видов пограничных сигналов на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
111. П о т а п о в а Р. К. Система делимитативных средств звучащего текста//Звучащий текст. М., 1983.
112. Поэт и слово: (опыт словаря). М., 1973.
113. П р о п п В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
114. Р а с п о п о в И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
115. Р е ф е р о в с к а я Е. А. О порядке слов в современном французском языке// Philologica. Л., 1973.
116. С а л и х о в а Н. К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1976.
117. С а х а р о в а Э. А. Просодические характеристики чтения английской сказки: (в сопоставлении с русским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
118. С в е т о з а р о в а Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
119. С м и р н и ц к и й А. А. Лексическое и грамматическое в слове//Вопросы грамматического строя. М., 1955.
120. С м о л е н с к а я С. С. Интонационно-семантический анализ английских речевых единиц, выражающих юмор, иронию и сарказм: (экспериментально-интонационное исследование): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1969.
121. С м о л ь е в с к и й А. А. Интонация французской повествовательной фразы. Экспериментально-фонетическое исследование интонационных средств выражения логического предиката на материале простых двусоставных повествовательных предложений с прямым порядком главных членов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

122. Соловьян В. А. Языково-стилистические средства сатиры в немецком языке: (на материале художественной публицистики XIX-XX веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.

123. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

124. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.

125. Таванец П. В. Суждение и его виды. М., 1953.

126. Танабаяева З. К. Языковые средства смысловой организации текста: (на материале эпизодов французских киносценариев): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

127. Терешкина Л. З. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

128. Томанович В. Об экспрессии звуков//Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences (Prague, 1967). Prague, 1970.

129. Томашевский Б. В. О стихе. Л., 1929.

130. Торсуев Г. П. Фонетика английского языка. М., 1950.

131. Торсуева И. Г. Интонация и семантика текста//Тезисы докладов научно-методической конференции "Просодия текста". М., 1982.

132. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.

133. Торсуева И. Г. Интонация как компонент текста//Фонология. Фонетика. Интонология. М., 1979.

134. Торсуева И. Г. Теория интонации. М., 1974.

135. Торсуева И. Г. Экстралингвистические и лингвистические аспекты функционального анализа интонации//Интонация. Киев, 1976.

136. Торсуева И. Г. Современные проблемы интонационных исследований//ВЯ. 1984. № 1.

137. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

138. Устиненко В. И. Игра и эстетическая деятельность: (к вопросу о генетической общности и эстетической деятельности в культуре): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

139. Уфимцева А. А., Азнаурова Э. С., Кубрякова Е. С., Телия В. Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации//Языковая номинация. М., 1977.

140. Фаусек В. В. Искусство и игра: Вопросы философии и психологии, 1911. Кн. 108.

141. Ф и л и ч е в а Н. И. О взаимодействии лексических и грамматических значений в слове; (на материале "окачества" причастий в немецком языке)//ФН. 1964. № 2.
142. Ф и р б а с Я. Функция вопроса в процессе коммуникации//ВЯ. 1972. № 2.
143. Ф р е й д Э. Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1925.
144. Х о в а н с к а я З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М., 1980.
145. Ч е н у ш э А. Т. Интонация повествовательных предложений в современном литературном молдавском языке: (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1969.
146. Ч е с н о к о в П. В. К вопросу о языковом значении // Доклады УІ научно-теоретической конференции. Таганрог, 1962.
147. Ч е с н о к о в П. В. О взаимосоответствии формальных типов языковых и логических построений//Язык и мышление. М., 1967.
148. Ш е в е л ю к С. Г. Интонация восклицания в системе фразовых интонаций французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975.
149. Ш е в я к о в а В. Е. Актуальное членение вопросительного предложения//ВЯ. 1974. № 5.
150. Ш е в я к о в а В. Е. Интонация вопросительного предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
151. Ш и г а р е в с к а я Н. А. Новое в современном французском синтаксисе. М., 1977.
152. Ш и г а р е в с к а я Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970.
153. Ш и ш к и н а Т. Н. К вопросу о ритмическом построении речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
154. Ш е р б а Л. В. Фонетика французского языка. М., 1963.
155. Щ е р б а Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
156. Э л ь б е р г Я. Е. Вопросы теории сатиры. М., 1957.
157. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. Киев, 1981.
158. Я н к о ш в и л и М. В. Механизм языка и порождаемые им свойства речи//ФН. 1969. № 6.
159. A l b é r è s R. - M. Le comique et l'ironie. P., 1973.
160. A l l e m a n n B. De l'ironie en tant que principe littéraire//Poétique. 1978. N 36.

161. A l m a n s i G. L'affaire mystérieuse de l'abominable
tongue-in-cheek//Poétique. 1978. N 36.
162. B a n g e P. L'ironie//Travaux du centre de recherches
linguistiques et sémiologiques de Lyon, 1978. N 2.
163. B a r t h e R., B e r t h e t F. Présentation//Communi-
cations. 1979. N 30.
164. B e r r a n d o n n e r A. Eléments de pragmatique lin-
guistique. P., 1981.
165. B l i n k e n b e r g A. L'ordre des mots en français mo-
derne. København, 1933.
166. B o u r g e o i s R. L'ironie romantique: (spectacle et
jeu de Mme de Staël à Gérard de Nerval). Grenoble, 1974.
167. B r u n o t F. Grammaire historique de la langue fran-
çaise. P., 1899.
168. B u c h m ü l l e r A. L'inversion complexe: Thèse. Zü-
rich, 1975.
169. C e i l l o i s R. Les jeux et les hommes: le masque et
le vertige. P., 1958.
170. C h i g a r e v s o a i s N. Traité de phonétique fran-
çaise: Cours théorique. M., 1973.
171. D a n e á F. Sentence intonation from a functional point
of view//Word. V.16, N 1. 1960.
172. D e l a t t r e P. Les dix intonations de base du fran-
çais//The French Review. 1948. May.
173. D u c r o t O. De Saussure à la philosophie du langage//
J.R.Searle. Les actes de langage. P., 1972.
174. D u c r o t O. Les analyses pragmatiques//Communications.
1980s. N 32.
175. D u c r o t O. Les mots du discours. P., 1980b.
176. E s c o r p i t R. L'humour. P., 1960.
177. F a u r e G. Aspects et fonctions linguistiques de varia-
tions mélodiques dans la chaîne parlée. Contribution à l'étude du
statut linguistique de l'intonation//Proceedings of 9-th Internatio-
nal Congress of linguistics. London; The Hague; Paris, 1964.
178. F a u r e G. Contribution à l'étude du statut phonologi-
que des structures prosodémantiques//Studia phonetica. 1970. J).
179. F a u r e G. Contribution à l'étude de la fonction pré-
dicative des structures intonatives//Acta Universitatis Carolinae.
Philologica I. Phonetica pragensis III. Praha. 1972.
180. F r e i H. La grammaire des fautes. Paris; Genève; Leip-
zig. 1929.

181. G a r a p o n R. La fantaisie verbale et le comique dans le théâtre français: Du moyen âge à la fin du XVII siècle. P., 1957.
182. G a u t i e r L. Tournures syntaxiques: Il voudrait savoir qu'est-ce que tu fais//Le français moderne. 1955. N 4.
183. G e o r g i n R. Difficultés et finesses de notre langue. Nouvelle éd. P., 1957.
184. G o u g e n h e i m G., M i c h é a R., R i v e n o P., S a u v a g e o t A. L'élaboration du français élémentaire. Etude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base.P., 1967.
185. Grammaire Larousse du français contemporain. P., 1964.
186. G r a m m o n t M. Traité de phonétique. P., 1933.
187. G r a m m o n t M. Traité pratique de prononciation française. P., 1966.
188. G r ü b e r G. Geschichte der romanischen Philologie // Grunde der romanischen Philologie. T. I, II. Strasburg.1904 - 1906.
189. H a i d u P. Au début du roman, l'ironie//Poétique.1978. N 36.
190. H e n r i o t J. Le jeu. P., 1969.
191. H u i z i n g a J. Homo ludens. Essai sur la fonction sociale du jeu. P., 1976.
192. H u t c h e o n L. Ironie et parodie: stratégie et structure//Poétique. 1978. N 36.
193. J e a n - P a u l. Sur le trait d'esprit (witz)//Poétique. 1973. N 15.
194. J e n n y L. La stratégie de la forme//Poétique. 1976. N 27.
195. K e l l e n b e r g e r H. The influence of accentuation on French word order. P., 1932.
196. K e r b r a t - O r e o c h i o n i C. L'énonciation de la subjectivité dans le langage. P., 1980b.
197. K e r b r a t - O r e o c h i o n i C. L'ironie comme trope//Poétique. 1980a. N 41.
198. K e r b r a t - O r e o c h i o n i C. Problèmes de l'ironie//Linguistique et sémiologie; (Travaux du centre de recherches linguistiques et sémiologiques de Lyon). Lyon. 1978. N 2.
199. K u b i k M. Классификация предложений // Синтаксис русского языка. Praha, 1974,
200. L e B i d o i s G. et R. Syntaxe du français moderne: Ses fondements historique et psychologique. P., 1967. T.II.

201. L e G u e r n M. Eléments pour une histoire de la notion d'ironie//Linguistique et sémiologie: (Travaux du centre de recherches linguistiques et sémiologiques de Lyon). Lyon.1978. N 2.
202. L é o n M. Culture, didactique et discours oral//Le français dans le monde. 1979. N 145.
203. L é o n P. R. Essais de phonostylistique//Studia phonetica. 1971. N 4.
204. L é o n P. R. Modèles et fonctions pour l'analyse de l'énonciation//Le français dans le monde. 1979. N 145.
205. L é o n P. R. Recherches sur la structure phonique du français canadien//Studia phonetica. 1969. N 1.
206. L é o n P. R. Systématique des fonctions expressives de l'intonation//Studia phonetics. 1970. N 3.
207. L é o n M. Exercices systématiques de prononciation française. P., 1964. Fasc. 1 - 2.
208. L é o n P. R. De l'analyse psychologique à la catégorisation auditive et acoustique des émotions dans la parole//Journal de psychologie. 1976. N 3-4.
209. M a r t i n P h. Les problèmes de l'intonation: recherches et applications//Langue française. 1973. N 19.
210. M a r t i n P h. Sur les principes d'une théorie syntaxique de l'intonation//Studia phonetica, 1979. 17. V.1.
211. M a r t i n s - B a l t a r M. De l'énoncé à l'énonciation: une approche des fonctions intonatives. P., 1977.
212. M o r i e r H. Dictionnaire de poétique et rhétorique. P., 1975.
213. M u e c k e D. G. Analyse de l'ironie//Poétique. 1978. N 36.
214. M ü l l e r - H a u s e r M. La mise en relief d'une idée en français moderne. Genève, 1943.
215. N e f P. Note pour une pragmatique textuelle//Communications. 1980. N 30.
216. N o g u e z D. Structure du langage humoristique//Revue d'esthétique. 1969. N 1.
217. P e r r o t J., L o u z o n M. Message et apport d'information: à la recherche des structures//Langue française. 1974. N 21.
218. P r i é t o L. Z. Pertinence et pratique. Essais de sémiologie. P., 1975.
219. Q u e n e a u R. Bâtons, chiffres et lettres. P., 1973.
220. Q u e n e a u R. Zazi dans le métro. P., 1959.

221. R e c a n a t i F. La transparence et l'énonciation pour introduire à la pragmatique. P., 1979.
222. R e c a n a t i F. Présentation//Communications. 1980. N 32.
223. R é f é r o v s k a í a E. A., V a s s i l i é v a A. K. Essai de grammaire française: Cours théorique. T.2.Léningrad, 1973.
224. R e n c h o n H. Etudes de syntaxe descriptive. Bruxelles, 1967.
225. R i f f a t e r r e M. Fonctions de l'humour dans les "Misérables"//Modern language notes. 1972. V.87. N 6.
226. R i g a u l t A., Réflexions sur le statut phonologique de l'intonation//Proceedings of the 9 th International Congress of Linguistics. London; The Hague; Paris, 1964.
227. R o s s i M., D i C r i s t o A., H i r s t D., M a r t i n P h., N i s h i n u m a J. L'intonation de l'acoustique à la sémantique. P., 1981.
228. R o u l e t E. Théorie grammaticale, descriptions et enseignement des langues. Paris; Bruxelles, 1972.
229. R o u l e t E. Modalité et illocution//Communications. 1980. N 32.
230. S c i g a r e v s k a í a N. Sur le caractère de l'interaction des procédés d'expression linguistique de la modalité subjective//XIV congresso internazionale di linguistica e filologia romana. Napoli. 15-20 aprile 1974. Napoli, 1974.
231. S p e r b e r D., W i l s o n D. Les ironies comme mentions//Poétique. 1978. N 36.
232. S t u r z e P. I. Discours ironique et discours poétique//Revue roumaine de linguistique. 1979. N 3.
233. T e s n i è r e L. Eléments de syntaxe structurale. P., 1959.
234. T o d o r o v T z. Problèmes de l'énonciation//Langages. 1970. N 17.
235. T o g e b y K n. Structure immanente de la langue française. Copenhague, 1951.
236. V o s s i u s J. - G. Rhétorique de l'ironie//Poétique. 1978. N 36.
237. Z a c h a r i e v Z. Quelques observations sur la structure des phrases de Voltaire dans ses romans//Годишник на Софийская университет. T. LXII. № I.
238. Z u m t h o r P. Langue et techniques poétiques à l'époque romane (XI-XIII siècles). P., 1963.
239. Anonces. Paris-Presse, II.11. 1953. P.7. Col.4.
240. S i m e n o n J. Maigret et son mort. P., 1948.
241. T h é r o n d M. Du tac au tac. P., 1955.

RÉSUMÉ

Dans le présent travail nous avons examiné la structure de la proposition française et de ses différents constituants (intonation, sons, etc) qui s'y rapportent dans l'aspect de la corrélation "grammaire/pragmatique".

Nous avons postulé l'interdépendance entre le caractère affectif de la parole, qui est l'objet d'étude de la pragmatique, l'ordre des mots dans la proposition et de la division actuelle de l'unité syntaxique. L'examen des exemples tirés des oeuvres d'écrivains français contemporains nous a permis de réaliser et de nuancer ce postulat.

Nous avons posé l'existence d'une nouvelle notion linguistique se rapportant avant tout à la phonétique communicative, qui est le texte ironique. Le texte ironique donc est une unité de communication où la fonction première de l'ironie est de transmettre un contenu nominatif de la phrase.

Le jeu y est la clef permettant l'organisation sémantique et pragmatique du texte ironique. Cette organisation se manifeste dans la transgression de la loi de la nomination directe, conditionnée par l'expression de la contradiction.

L'interrogation et l'affectivité sont examinées comme appartenant au niveau de la phrase; à son tour l'ironie est examinée au niveau du texte.

Une importance considérable est attirée aux procédés phonétiques du jeu de la langue: chute des sons, altération préméditée de la forme phonique du mot avec changement de son, assimilation des sons, néologismes phonétiques et d'autres.

SUMMARY

The present work examines the structure of the French sentence and of its various constituents which refer to this unit (intonation, sounds and others) in the aspect of correlation of "grammar/pragmatics".

It was postulated that the affective character of speech which is the object of study of pragmatics, word order in the sentence and the actual division of the syntactic unit are interdependent. The analysis of the examples taken from French modern writers enabled us to ground this postulate.

The existence of a new linguistic notion was established, such a notion which first of all refers to the communicative phonetics, to the ironic text.

The ironic text is a communication unit in which the main function of irony is to convey an affected contents which is superposed to the nominative contents of the phrase.

Game is the key which permits the semantic and pragmatic arrangement of the ironic text. This arrangement is manifested by the infringement of the direct nomination law conditioned by the latter contradiction.

Interrogation and effectiveness are considered to belong to the phrase level; in its turn irony is examined at the text level.

A considerable importance is given to the phonetic proceedings of the language game: falling of letters, premeditated alteration of the phonic form of the word through changing of sounds, assimilation of sounds, phonetic neologisms, etc.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Г л а в а I. СУПРАСЕТМЕНТНАЯ И СЕТМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	6
§ 1. Основные положения прагмалингвистики	6
§ 2. Вопросительность в аспекте прагматики	11
§ 3. Эмоциональность как предмет прагматики	16
§ 4. Порядок слов и актуальное членение как средства выражения иллокутивного значения вопросительности	20
§ 5. Супрасетментные и сегментные средства выражения прагматических значений вопросительности и эмоциональности	24
Г л а в а II. СУПРАСЕТМЕНТНАЯ И СЕТМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА ИРОНИЧЕСКОГО ТЕКСТА	36
§ 1. Лингвистические интерпретации иронии	36
§ 2. Прагматическая характеристика иронического текста	42
§ 3. Игра как основной семантико-прагматический принцип организации иронического текста	48
§ 4. Проблема соотношения интонации, семантики и прагматики	52
§ 5. Экспериментально-фонетическое исследование интонации иронического текста	60
§ 6. Сегментные средства выражения игры	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
ЛИТЕРАТУРА	82
Résumé	95
Summary	96

Монография

Ленца Димитрий Леонович
Соловьёва Елена Васильевна

ФОНЕТИКА В АСПЕКТЕ ПРАГМАТИКИ

Редактор И. Н. Черникова
Художественный редактор Г. Д. Петров
Технический редактор Н. М. Дулчун
Корректоры М. В. Попова, Г. Н. Шаркунова
Оператор-наборщик Е. А. Самерс

ИБ № 3819

Подписано в печать 19.05.85.
Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная № 1.
Печать ротационная.
Усл. печ. л. 6,25, Усл. кр.-отт. 6,5.
Уч.-изд. л. 6,54, Тираж 595.
Заказ 116. Цена 1 р. 40 к.

Издательство "Штиинца".
277028. Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3.

Типография издательства "Штиинца".
277004. Кишинев, ул. Берзарина, 8.